

2017/I

SIBERIA_LINGUA

Научный журнал Института филологии и языковой коммуникации
Сибирского федерального университета

ISSN 22227-6378

Учредитель – Институт филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Siberia_Lingua: научный журнал

Периодичность – один раз в полугодие

Журнал зарегистрирован в Международном ISSN центре в Париже, регистрационный номер 22227-6378

Статьи индексируются в РИНЦ

Выход на журнал с платформы Elibrary
https://elibrary.ru/title_about.asp?id=62046

www-адрес:
<http://ifyak.sfu-kras.ru/siberia-lingua>

Контакты

Почтовый адрес 660047, Красноярск,
пр. Свободный, 82А,
оф.328
Редакция научного
журнала
Siberia_Lingua

E-mail nauka_fil@mail.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Фельде Ольга Викторовна, д-р филол. наук
(отв. ред.)

Анисимов Кирилл Владиславович, д-р филол. наук

Анисимова Евгения Евгеньевна, д-р филол. наук

Бурмакина Наталья Геннадьевна, канд. филол. наук (отв. секретарь выпуска)

Григорьева Татьяна Михайловна, д-р филол. наук

Детинко Юлия Ивановна, канд. филол. наук,
зам. директора ИФиЯК по научной работе

Евсеева Ирина Владимировна, д-р филол. наук

Журавель Тамара Николаевна, канд. филол. наук (зам. отв. ред.)

Колмогорова Анастасия Владимировна, д-р филол. наук

Магировская Оксана Валериевна, д-р филол. наук

Тармаева Виктория Владимировна, д-р филол. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Боргоякова Тамара Герасимовна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Иванцова Екатерина Вадимовна, д-р филол. наук (Томский государственный исследовательский университет)

Ким Игорь Ефимович, д-р филол. наук (Институт филологии СО РАН)

Копнина Галина Анатольевна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Косяков Геннадий Викторович, д-р филол. наук (Омский государственный педагогический университет)

Куликова Людмила Викторовна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Панин Леонид Григорьевич, д-р филол. наук (Новосибирский государственный исследовательский университет)

Пекарская Ирина Владимировна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Сковородников Александр Петрович, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Шарифуллин Борис Яхиевич, д-р филол. наук (Лесосибирский педагогический институт – филиал СФУ).

@ Сибирский федеральный университет,
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Бурмакина Н.Г. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	4
Абкадырова И.Р. О КУМУЛЯТИВНОЙ И СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИЯХ СЛОВ-РЕАЛИЙ В СВЕТЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ МЕКСИКАНСКОГО КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. ПЕРЕСА РЕВЕРТЕ «КОРОЛЕВА ЮГА»)	5
Арпентьева М.Р. НАУКА И СМИ В ЭПОХУ ЭТНИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ: РАЗНИЦА ВЗГЛЯДОВ НА МИР	16
Ивкина Е.Н. «ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ДЕФОКУСИРОВАНИЯ	36
Никифорова С.А. ОТРАЖЕНИЕ ЭКСПРЕССИИ В РУССКО-ИСПАНСКИХ СЛОВАРЯХ	44
Паниотова Т.С. ТОМАС МОР И ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА	54
Позднякова Е.Ю. ЭРГОНИМЫ ИСПАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА	73
Привалихина Е.С. СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КУЛИНАРНЫХ РЕАЛИТИ-ШОУ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОЙ ПЕРЕДАЧИ «MASTERCHEF» И РУССКОЙ ПЕРЕДАЧИ «МАСТЕРШЕФ»)	80
Сковпень Л.Ю. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ИСПАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ О ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ В СИРИИ	93
Федосова О.В. КОНЦЕПТ «БОГ» В ИСПАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	100
Филаткина Г.С. ДИЛМА РУССЕФФ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В БРАЗИЛИИ В ОТРАЖЕНИИ БРАЗИЛЬСКОЙ ПРЕССЫ	112
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	124

Бурмакина Н.Г.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В текущем выпуске журнала публикуются материалы Международной научно-практической конференции «Россия и Испания: актуальные гуманитарные исследования». Конференция проходила в рамках Форума языков и культур с 14 по 16 сентября 2016 года. Организаторами выступили Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, Российско-испанский университетский центр Университета Кадиса, Ассоциация испанистов Российской Федерации при финансовой поддержке банка Сантандер.

В конференции приняли участие исследователи из российских, белорусских и испанских университетов (городов Кадиса, Аликанте, Компутенсе, Сантьяго-де-Компостела, Ла-Корунья, Минска, Москвы, Новосибирска, Иркутска, Красноярска и других). Данное мероприятие объединило специалистов в области коммуникативной, когнитивной и сопоставительной лингвистики, методики преподавания испанского языка, перевода и межкультурной коммуникации, журналистики, искусствоведения, испанской литературы, а также представителей администрации г. Красноярска.

Оргкомитет благодарит всех участников конференции и выражает надежду на то, что ее результаты послужат импульсом к распространению научных достижений в области испанистики.

Абкадырова И.Р.

**О КУМУЛЯТИВНОЙ И СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИЯХ
СЛОВ-РЕАЛИЙ В СВЕТЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ МЕКСИКАНСКОГО
КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
А. ПЕРЕСА РЕВЕРТЕ «КОРОЛЕВА ЮГА»)**

Аннотация: В статье рассматривается роль и функции слов-реалий как ярких маркеров национального коммуникативного стиля в процессе его моделирования. Исследование проводится на материале художественной литературы.

Ключевые слова: слова-реалии, моделирование, прагматические функции, коммуникативный стиль.

Abstract: The article deals with the role and pragmatic functions of the culture specific words as significant markers of the national communicative style in the process of its modelling in literature.

Keywords: culture specific words, modelling, pragmatic functions, communicative style.

Для упрощения процесса межкультурной коммуникации и правильного восприятия специфики той или иной культуры принципиально важным является понимание того факта, что под влиянием исторического развития у различных этносов сложился свой уникальный характер коммуникации между индивидами. Особенности общения закрепляются в языке, так как он выступает основным средством накопления и передачи знаний. По причине значимости этого процесса современные лингвисты и культурологи большое внимание уделяют изучению *национального коммуникативного стиля*, особую роль в реализации которого выполняют слова-реалии. Так, понятие *коммуникативного стиля* активно используется в работах по межкультурной коммуникации и в исследованиях, занимающихся особенностями педагогического общения и поведения. В настоящее время понятие стиля привлекает пристальное внимание ученых в рамках исследования межкультурного взаимодействия и рассматривается чаще всего как категория психологии общения [Куликова, 2009: 140].

Под *моделированием* в общем смысле понимается «целостная деятельностная программа, включающая последовательно примененный набор методов и приемов, направленных на системное представление какой-либо предметной области объекта (или предметов объекта) для получения информации об этом предмете, которую нельзя выявить в случае описательного подхода» [Белоусов, 2010]. В данной статье в центре внимания находится непосредственно *моделирование национального коммуникативного стиля*, которое нами, вслед за Л.В. Куликовой, понимается как составление перечня основных факторов и параметров, конституирующих тот или иной национальный коммуникативный стиль, иными словами, его факторно-параметрическое описание, отражающее сущностно-содержательные характеристики [Куликова, 2009: 246–247].

Анализируя немецкий национальный коммуникативный стиль устного непосредственного и опосредованного общения, автор отмечает, что его модель «может быть представлена как его факторно-параметрическое описание в терминах коммуникативистики, прагмалингвистики, культурологии и лингвистики, отражающих сущностно-содержательные характеристики коммуникативного стиля» [Куликова, 2009: 247–248].

В этой связи особый интерес вызывает подход представителей Московской психолингвистической школы, согласно которому «при моделировании конструируется другой – реальный или воображаемый – объект, изоморфный данному в каких-то существенных признаках» [Харченко, 2006]. Отталкиваясь от этого положения, можно прийти к выводу, что та мексиканская картина мира, которая воспроизводится в художественных произведениях носителей родной лингвокультуры, может отличаться от мексиканской картины мира, смоделированной зарубежными писателями.

Поскольку каждый индивид накладывает на «чужой» народ культурную сетку, присущую своему этносу, модель «чужой» картины

мира неизменно будет отражать особенности как индивидуально-личностного, так и национального восприятия автора.

При этом отмечается, что «модель речевого акта опирается на общность знаковых средств и определенную общность социального опыта коммуникантов» [Харченко, 2006], а значит в основе процесса моделирования национального коммуникативного стиля лежит стандартизация речи и выявление определенных стереотипов, уже используемых в определенных сферах деятельности [Харченко, 2006].

Развивая данную позицию, можно сделать вывод о том, что модель *национальной картины мира* основана на гетеростереотипах, отражающих традиционные, устоявшиеся представления одной культурной общности о другой.

Мексиканская картина мира моделируется представителями других культур посредством наиболее характерных мексиканских *реалий* как ярких и очевидных маркеров национальной специфики, и, следовательно, представляется необходимым определение основных прагматических функций данных единиц в художественном тексте. В качестве материала исследования нами был выбран роман испанского писателя А. Переса Реверте «La reina del Sur» (в русском переводе – «Королева юга»), главной героиней которого является мексиканка Тереса. Хотя переводческий аспект проблемы выходит за рамки нашего исследования, отметим, что роман переведен на большое количество языков и что единственная русскоязычная версия была выполнена Н. Кириловой.

Опираясь на классификацию, разработанную Н.В. Карповской [Карповская, 2009: 32], мы выделили ряд основных прагматических функций слов-реалий в анализируемом романе.

1. *Кумулятивная функция*, т.е. отражение «опыта народа, его истории, материальной и духовной культуры как совокупности ценностей, накопленных той или иной этнической общностью» [Карповская, 2009: 32].

Писатель упоминает имена *исторических персоналий*, сыгравших ключевую роль в истории Мексики – *Малинче (Malinche)* и *Э. Кортеса (Cortés)*:

Siempre leía dos o tres libros a la vez: alguno de historia – era fascinante la de México cuando llegaron los españoles, Cortés y toda aquella bronca –, una novela sentimental o de misterio, y otra de las complicadas... [Reverte, 2007].

Она всегда читала одновременно две-три книги – что-то историческое (ее зачаровывала история Мексики эпохи прибытия испанцев, Кортес и все связанное с этим), любовный роман или что-либо приключенческое, связанное с раскрытием тайн, плюс какую-нибудь из «трудных» книг... [Реверте, 2004].

Э. Кортес известен благодаря тому, что ему удалось захватить столицу ацтеков, Теночтитлан, когда обещаниями и обманом он привлек на свою сторону враждовавшие с ацтеками племена. Отношения местных народов к испанцам было неоднозначным, и договориться с их вождями помогала ему Малинче, которая владела несколькими местными языками:

... como aquellos españolazos que una imaginaba de antes, aristócratas e hidalgos y demás – por algo tuvo que apendejarse la Malinche, a fin de cuentas – y que seguramente no existieron casi nunca [Reverte, 2007].

... с теми аристократами, идадьго и прочими – в конце концов, что-то ведь произвело впечатление на Малинче, – какими она представляла себе испанцев раньше и каких наверняка почти никогда не существовало [Реверте, 2004].

В данном примере главная героиня вспоминает свои отношения с мужчинами в Испании и сравнивает себя с Малинче (*Malinche*), эта ассоциация может возникнуть только в голове человека, знакомого с мексиканской культурой. Примечательно, что многие мексиканцы считают Малинче предательницей своего народа, однако в романе, написанном испанским автором, эта точка зрения не находит отражения.

Не обходит автор вниманием и известных деятелей *современной мексиканской культуры*. Например, в произведении упоминается имя писателя *О. Паса* и название одного из его произведений:

... un volumen de las obras completas de Octavio Paz – nunca había oído hablar antes de ese señor Paz, pero tenía todos los visos de ser importante allá – que se titulaba El peregrino en su patria [Reverte, 2007].

... томик из полного собрания сочинений Октавио Паса (она никогда раньше не слышала об этом сеньоре Пасе, но, судя по всему, у нее на родине он был весьма знаменит) под названием «Странник в своем отечестве». [Реверте, 2004].

Помимо того, кумулятивную функцию в романе выполняют *музыкальные слова-реалии*, которые создают определенный мексиканский колорит. К единицам этой подгруппы относятся:

А) имена мексиканских певцов и музыкальных коллективов.

Teresa le prestaba al guarura casetes y cedés con música mejicana: José Alfredo, Chavela, Vicente, los Tucanes, los Tigres, hasta una cinta preciosa que tenía de Lupita D'Alessio... [Reverte, 2007].

Teresa одалживала ему кассеты и компакт-диски с мексиканской музыкой – Хосе Альфредо, Чавела, Висенте, «Лос Туканес», «Лос Тигрес» и даже замечательные записи Лупиты Д'Алессуо...[Реверте, 2004].

Хосе Альфредо (José Alfredo) и *Чавела Варгас (Chavela Vargas)* работали в традиционном мексиканском жанре *ranchera*, который первоначально исполнялся только солистом под аккомпанемент гитары во времена Мексиканской Революции и брал за основу сельский фольклор. В настоящее время ранчеры неизбежно связывают с марьячи. *Чавела Варгас* хорошо известна читателю, поскольку она сотрудничала с культовым испанским режиссёром Педро Альмодоваром: певица исполнила ведущие музыкальные темы в фильме «*Tacones lejanos*», она также снялась в фильме «*Frida*», посвящённом судьбе мексиканской художницы Фриды Кало, с которой Варгас была хорошо знакома.

Исполнитель *Rosario Санчес (Rosalino «Chalino» Sánchez)*, получивший свою известность благодаря исполнению нарकोкорридо, был убит в Кульякане (Синалоа), т.е. в одном из городов, где происходит действие анализируемого романа.

В приведенном примере также встречаются названия двух известных коллективов, исполняющих наркобаллады – *Los Tucanes de Tijuana, Tigres del Norte*. Отметим, что строчки из песен этих музыкальных групп были выбраны автором в качестве названия глав романа.

Музыкальные слова-реалии вводят в текст культурологическую информацию, которая помогает писателю раскрыть психологию мексиканских наркоторговцев и их культуру, объяснить мотивацию их поступков. Так, у читателя складывается ощущение, что персонажи романа следуют тем же моральным установкам, что и персонажи хорошо им знакомых песен.

Б) Герои песен.

La sonrisa del Gato Fierros relucía como la hoja de un cuchillo mojado, porque era una sonrisa húmeda y peligrosa, propia de sicario de película gringa, de ésas donde los narcos siempre son morenos, latinos y malvados en plan Pedro Navaja y Juanito Alimaña [Reverte, 2007].

Улыбка Кота Фьерроса сверкала, как лезвие мокрого ножа, – влажная опасная улыбка наемных убийц в американских фильмах, где наркобандиты всегда смуглые, с типично латиноамериканской внешностью и зловещими лицами, в стиле Педро Навахи и Хуанито Алиманы [Реверте, 2004].

В приведенном примере встречаются имена двух героев из песни Рубена Бладеса. Посредством образов этих персонажей автор актуализирует стереотипичные представления читателей о внешности мексиканцев (*всегда смуглые, с типично латиноамериканской внешностью и зловещими лицами*).

Таким образом, частотное упоминание самых популярных представителей мексиканской сцены, а также реальных деятелей культуры и

истории создает не только *ощущение правдивости повествования*, но и *эффект узнавания*, поскольку читатель находит в тексте романа подтверждение существующих у него стереотипичных представлений о Мексике и ее жителях.

2. *Стилистическая функция*, в рамках которой наибольшее внимание привлекают *экспрессивно-образная* и *эмоционально-экспрессивная* составляющие. Например, героиня-мексиканка употребляет в своей речи национально-специфичные междометия *órale* и *hijole*, которые в зависимости от контекста приобретают различные значения.

1) Выражение недовольства. Так, Тереса, привыкшая к галантности и обходительности речи мужчин на своей родине, неодобрительно расценивает прямолинейный и грубоватый комплимент испанца:

– *Que son bonitas – concluyó, serio –. Las mejores tetas de Melilla.*

– *Hijole. ¿Ése es un piropo español?* [Reverte, 2007]

– *Красивая, – серьезно закончил он. – Самая красивая во всей Мелилье.*

– *Ничего себе... Это что – испанский комплимент?* [Реверте, 2004]

Характер комплимента становится понятен именно из оригинальной версии романа (*Las mejores tetas de Melilla* – букв. *Лучшие титьки в Мелилье*).

2) Побуждение к осуществлению действий. Храброе поведение Тересы во время перестрелки с преступниками, которые окружают её со всех сторон, не оставляет равнодушными представителей закона:

Entonces, de la verja cercana, llega la voz admirada de un soldado o un policía:

– *¡Órale, mi narca!... ¡Enseñeles cómo se muere una sinaloense!* [Reverte, 2007]

И тут от уже близкой решетки до нее доносится восхищенный голос какого-то солдата или полицейского:

– *Молодчина!.. Покажите им, как умирает sinaloанка!* [Реверте, 2004].

Отметим, что переводчику романа не во всех случаях удалось подобрать эквивалентный способ передачи междометий.

3) Побуждение к прекращению действий. Когда Тереса сводит счеты с наемником-убийцей, она хочет сделать все достойно и без спешки:

– *Órale, Pinto – le dijo –. No te apures... Te vas a morir ya.* [Reverte, 2007].

– *Не торопись, Крапчатый,* – сказала она. – *Еще успеешь умереть. Ждать недолго.* [Реверте, 2004].

Употребление этого междометия в речи героя однозначно маркирует его как представителя мексиканского этноса.

Второе из вышеупомянутых междометий, *hijole*, используется как для выражения удивления, так и для передачи восхищения:

Hijole. Los personajes de aquella historia estaban todos muertos, y no lo sabían [Reverte, 2007].

Черт побери. Все персонажи этой истории были мертвы, только не знали об этом [Реверте, 2004].

– *Hijole – comentó. – Como el abate Faria* [Reverte, 2007].

– *Ну надо же,* – отозвалась она – *Прямо как у аббата Фариа.* [Реверте, 2004].

Примечательно, что указанные междометия-мексиканизмы могут выполнять также *резюмирующую* функцию, т.е. подводить краткий итог предыдущего высказывания [Карповская, 2009: 32]. Например, Тереса, догадавшись, что разговаривает по телефону со своей старинной приятельницей, подытоживает свои собственные мысли:

Por eso sonrió y luego rió en voz alta, con franca alegría. Órale, mi Teniente [Reverte, 2007].

Поэтому она улыбнулась, а потом рассмеялась – радостно, в полный голос. Ну, надо же, мой Лейтенант. [Реверте, 2004].

Помимо междометий эмоционально-экспрессивную функцию могут передавать и другие части речи, как правило *имена существительные* и

прилагательные. Так, например, наблюдается частотное использование слов-реалий в этой функции в эпизоде, когда главную героиню и ее команду преследует на вертолете полиция:

... *la Phantom, entre la nube de su propio aguaje, describió una curva cerrada, **padrísima**, que cortó la estela de la turbolancha aduanera, dejándola un poco atrás en la maniobra.* [Reverte, 2007].

... «Фантом», взметнув облако воды и пены, описал крутую кривую, пересекая кильватерную струю таможенного катера и оставляя его немного сзади [Реверте, 2004].

*No pueden hacerlo. Esto es Europa, **carajo**, y no tienen derecho a tratarnos así, a puros plomazos.*

*В конце концов, это ведь Европа, **черт побери**, они ведь не имеют права расправляться с нами вот так.* [Реверте, 2004].

Слова-реалии **carajo** (*черт возьми, черт побери*) и **padrísimo** (*очень, в наивысшей степени*) являются мексиканизмами и относятся к сниженной лексике. С их помощью автору удается не только передать эмоции говорящего, но и показать его социальный статус.

В процессе моделирования мексиканского коммуникативного стиля в романе эмоционально-экспрессивная функция реализуется с помощью не только целых лексем, но и культурно-специфичных морфем, а именно приставкой *requete-*. Ср.:

*También Santiago sabía todo eso, gallego listo y **requetecabrón** como era...* [Reverte, 2007].

*Сантьяго, умный галисиец и **опытный нарушитель закона**, тоже знал это...* [Реверте, 2004].

*Tenía que estar, decidió, **requetechingadamente** cerca.* [Reverte, 2007].

Черт побери. До камня **совсем** немного. [Реверте, 2004].

Данная морфема является одним из маркеров мексиканского коммуникативного стиля и выражает высокую степень интенсивности или полную уверенность в сказанном [Macazaga Ordoño, 1999: 310].

Экспрессивно-образной функцией обладают метафорические наименования единиц ЛГС «Наркотики» и «Оружие». Ср.:

... *instalándose en **Tierra Blanca** cuando las redes de contrabandistas sinaloenses empezaban a encaminar hacia el norte, junto a sus **ladrillos de colas de borrego**, los primeros **polvitos blancos** que llegaban en barco y por avión desde Colombia* [Reverte, 2007].

... *когда контрабандисты из Синалоа начали отправлять на север вместе с **брикетами марихуаны** первые **пакетики с белым порошком**, прибывавшие по морю и по воздуху из Колумбии* [Реверте, 2004].

Лексема *ladrillos* в мексиканском варианте испанского языка означает *брикеты марихуаны* и являются просторечием [Macazaga Ordoño, 1999: 217].

В примере встречается также анималистическая метафора *colas de borrego* в значении *косяк с марихуаной*. Прямое значение её первого элемента (*cola*) — *хвост, шлейф, конец* [Электронный словарь Multitran. URL: multitran.ru]. Вторая составляющая метафоры – *borrego* – обозначает годовалого ягненка [там же]. Однако в мексиканском варианте испанского языка словосочетание *colas de borrego* (букв.: *хвост ягненка*) употребляется в переносном значении *косяк с марихуаной высшего сорта* [Maillefert, 1920].

В романе употреблена и другая широко известная анималистическая метафора: *Cuerno de chivo* (*Рог козла*). Такое прозвище получил в Мексике автомат АК-47 за свою форму:

*Traía un **cuerno de chivo**, y al hombro una bolsa de lona y aspecto pesado...* [Reverte, 2007].

*В руках у него был «**козий рог**», на плече – **брезентовая сумка с чем-то тяжелым**.* [Реверте, 2004].

В заключение отметим, что анализ романа, посвященного мексиканской тематике и написанного испанским автором, позволяет определить, что основными прагматическими функциями, которые

выполняют слова-реалии, являются кумулятивная и стилистическая. Помимо того, стоит отметить, что в процессе моделирования А. Перес Реверте использует те слова-реалии, которые в испанской культуре считаются наиболее очевидными маркерами Мексики; при этом писатель, как правило, опирается на стереотипичные представления о мексиканцах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов К.И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности [Электронный ресурс]. 2010. URL: http://vestnik.osu.ru/2010_11/19.pdf (дата обращения: 06.07.2015).
2. Карповская Н.В. Прагматический потенциал языковых единиц в свете детерминации переводческих решений (на материале испанского языка). Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ, 2009. 208 с.
3. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении. М.: Флинта: Наука, 2009. 288 с.
4. Реверте Перес А. Королева Юга: пер. с исп. [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://tululu.org/read2744/> (дата обращения: 06.07.2015).
5. Харченко Е.В. Моделирование речевого поведения в профессиональном общении [Электронный ресурс]. 2006. URL: <http://goo.gl/ogmLtS> (дата обращения: 06.07.2015).
6. Электронный словарь Multitran [Электронный ресурс]. URL: multitran.ru (дата обращения: 06.07.2015)
7. Macazaga Ordoño C. Vocabulario esencial mexicano: lexico de las cosas de Mexico. México: Informática Cosmos, 1999. 389 p.
8. Maillfert Gomez E. La Marihuana en México [Электронный ресурс]. 1920. URL: https://archive.org/stream/jstor-535116/535116_djvu.txt (дата обращения: 06.07.2015).
9. Reverte Perez A. La Reina del Sur [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://goo.gl/JGV5eB> (дата обращения: 06.07. 2015).

НАУКА И СМИ В ЭПОХУ ЭТНИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ: РАЗНИЦА ВЗГЛЯДОВ НА МИР

Аннотация: В статье рассматривается отражение мультикультурализма в современных СМИ России и зарубежья. Отражаются общие тенденции развития мультикультурализма и его представленности в СМИ в последние десятилетия. В статье обозначены различные точки зрения на мультикультурализм, приведены современные подходы к пониманию мультикультурализма в этнопсихологии, этносоциологии и этножурналистике, обосновано мнение о необходимости анализа и коррекции трансляции идей мультикультурализма в контексте профилактики и коррекции идей национализма.

Ключевые слова: мультикультуральность, мультикультурализм, наука, политика, журналистика, СМИ, этнопсихология, этножурналистика.

Abstract: The article deals with the reflection of multiculturalism in contemporary mass media in Russia and abroad. General trends in the development of multiculturalism and its representation in the media in recent decades are described. The author outlines different points of view on multiculturalism, presents the modern approaches to understanding multiculturalism in ethnopsychology, ethnosociology and ethnojournalism, justifies the opinion about the necessity to analyse and correct the translation of the ideas of multiculturalism in the context of preventing and correcting the ideas of nationalism.

Keywords: multiculturalism; science; politics; journalism; media; ethnopsychology; ethnojournalism.

Современная наука и современные СМИ во многом отдалены друг от друга: СМИ все больше интересуют вопросы, помогающие поднимать рейтинг и увеличивать продажи новостей, и все меньше – вопросы поиска истины и организации продуктивного общественного диалога. В этом процессе СМИ выступают как оружие буржуазии, направленное на манипуляцию массовым сознанием, трансляцию выгодных буржуазным правительствам и обслуживающим их бюрократическим системам идей и концептов. Среди наиболее важных концептов настоящего выступают концепты «мультикультуральности» и «всеобщей культуры» или глобализации» [Beck, 2000; Berry, Pleasants, 1984; Brislin, 1981; De Vallescar, 2000; Hughes, 1993; Hutnik, 1991; Kukathas, 1996, 2007; Kymlicka W, 2007, 2009; Lentin, 2008; Mendus, 1992; Modood, 2007; Moghaddam, 1998; Murphy,

2012; Olds and Milner, 1954; Oleza, 2003; Quilaqueo, Torres, 2013; Radtke, 1998; Sharma, 2006; Smith, 1981; Walsh, 2005; Weldon, 2003]. Играя фишками «этническая культура» и «общая культура», буржуазия при помощи СМИ целенаправленно решает стоящие перед нею задачи укрупнения единиц управления ради углубления контроля над людьми. Периодически провоцируя то одни, то другие процессы, мировое буржуазное сообщество успешно продвигает и себя и цивилизацию к коллапсу, однако сам коллапс кажется выгодным и является одной из «промежуточных» целей: компрадорствующая, лишённая национальной и человеческой идентичности буржуазия, воспринимающая себя как «сверхлюдей», активно наживает все новые финансовые капиталы, уничтожая социальные и человеческие, уверенная в том, что «сверхлюдям», в отличие от обычных людей, ничего не грозит.

В результате раскачивания и деформации этнической идентичности людей и культуры наций миграционные потоки в современном мире достигли практически критического значения, выросла напряжённость контактов внутри культур (между представителями разных поколений, субкультур) и между культурами (диаспорами). Как показывает теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований проблем миграции и кросскультурных взаимоотношений, проблемы этнокультурного и кросс-культурного взаимодействия начали задавать проблемы и определять формы и качество отношений людей, побуждая практиков и теоретиков рассматривать разные страны и сообщества в качестве принимающих и отправляющих, общества большинства и меньшинства, «западных» и «восточных», «северных» и «южных», «цивилизованных» и «примитивных», «христианских» и «мусульманских» и т.д. При этом в этнопсихологии и этносоциологии, в науке и практике весьма распространён мультикультурный подход. Мультикультурализм исходит из того, что культурное многообразие выступает центральной характеристикой современной цивилизации. Казалось бы, идеи мультикультурализма

«самоочевидны»: в современном мире только 10% стран могут рассматриваться в качестве культурно однородных, монокультурных. И хотя в разных странах «титупное население» продолжает быть большинством, перечни этнических групп «меньшинства» довольно объемны. В ситуации массовых миграций эти соотношения, как и сами отношения между группами и внутри групп, постоянно меняются: так, в некоторых случаях до 30% населения страны может жить за границей, а порядка 15-20% населения страны могут представлять иностранные граждане, а сами потоки иммиграции и эмиграции могут быть как резко асимметричными, особенно в кризисные моменты, так и отчасти уравновешивать друг друга, внося вклад в изменение взаимоотношений между разными этническими группами. Этот феномен и был назван мультикультуральностью. Осознавая это, многие страны стали перед вопросами внедрения политики мультикультурализма или поиска иной, более оптимальной модели, например, транснационализма или интеграции [Beck, 2000; Berry, Pleasants, 1984; Brislin, 1981; De Vallescar, 2000; Hughes, 1993; Hutnik, 1991; Kukathas, 1996, 2007; Kymlicka W, 2007, 2009; Lentin, 2008; Mendus, 1992; Modood, 2007; Moghaddam, 1998; Murphy, 2012; Olds and Milner, 1954; Oleza, 2003; Quilaqueo, Torres, 2013; Radtke, 1998; Sharma, 2006; Smith, 1981; Walsh, 2005; Weldon, 2003]. Однако далеко не всегда этот вопрос рассматривается на необходимом уровне: критикуя позицию тех или иных правительств или сообществ по отношению к одним проблемам миграций и кросскультурных отношений, «цивилизованные общества» продолжают замалчивать многие другие проблемы, например, проблемы строительства концлагерей и «люстрации» политически «неблагонадёжного» населения в начале XXI века на Украине и в Молдове, проблемы вымирания населения концлагерях – резервациях США и т.д.

В ходе анализа проблемы кросс-культурных (транскультурных) отношений, наука выделяет ряд основных теоретических и практических моделей. Эти модели отражают старый спор между «либералами» и «коммунитаристами», который сводится к проблеме приоритета личной

свободы или социальной включенности. Либералы подчёркивают, что каждый отдельный человек может свободно определять свою жизнь и свое собственное понимание жизни, а коммунитаристы утверждают противоположное: субъект настолько «встроен» (embedded) в систему социальных отношений, что даже пропаганда личной свободы ведет к разрушению общества [De Vallescar, 2000; Kukathas, 1996, 2007; Kymlicka W, 2007, 2009; Lentin, 2008; Olds and Milner, 1954; Oleza, 2003; Quilaqueo, Torres, 2013; Radtke, 1998; Smith, 1981; Walsh, 2005; Weldon, 2003].

Первой моделью является ассимиляция – поглощение меньшинств в более широкой, доминирующей культурной и этнической общности. В таких странах мультикультурная политика представляется опасной, поскольку способна привести к фрагментации общества на множество культурно специфичных этнических и религиозных сообществ. СМИ и государство (например Франция) ведут себя осторожно, стараясь не раздувать этнические различия, однако, когда наплыв (масса и интенсивность) мигрантов превышает активность сообщества-хозяина, последнее интенсивно разрушается. СМИ поддерживают процесс разрушения, поскольку консолидация граждан СМИ и хозяевам СМИ не выгодна: жанровая специфика новостей предполагает наличие особых (уникальных), интенсивных (экстраординарных) и ярких (негативных) событий – одного «хлеба» всегда недостаточно, а «зрелища» – всегда убийства. Эта модель отражена в концепции унификации или «плавильного котла» (melting pot), который предполагает слияние всех культур в одну или в предложенной У. Бемом «контейнерной теории общества» (the container theory of society): общества, называемые «национальными», основаны на государственном контроле над занимаемыми этнокультурной группой «большинства» территориями. Внутренняя однородность обществ – результат такого государственного контроля: всевозможные социальные практики тиражируются и стандартизируются государством, которое идентифицирует их как «национальные», превращая территорию в «накопитель» (container),

внутри которого систематически фиксируются различные статистические показатели: категории государственного учета, бюрократии, становятся категориями науки. Однако, с середины XX века наблюдается, по выражению Э. Смита, «этническое возрождение» (ethnic revival), или подъем этнонационализма как деколонизации, борьбы с экономической, социальной и политической дискриминацией мигрантов и на рубеже веков – утверждение нациями собственного существования и культуры, вопреки тенденциям глобализации, декларация «нестираемых различий» и требование их публичного признания странами и миром в целом. В борьбе наций за признание смешались три больших тенденции: стремление к разнообразию и борьба против дискриминации или неравенства, саморефлексия и индивидуализация, признание ценности и желание реабилитировать негативную идентичность, эгалитаризм и властные амбиции народов [Beck, 2000; Berry, Pleasants, 1984; Brislin, 1981; Hughes, 1993; Hutnik, 1991; Kukathas, 1996, 2007; Kymlicka W, 2007, 2009; Lentin, 2008; Weldon, 2003].

Вторая модель основана на идее интеграции – сохранении каждой этнокультурной общностью своей идентичности в рамках частной жизни. Примером является Германия, которая всегда выступала за «мультикультурную демократию», опираясь на идеи Ж.-Ж. Руссо, а также отчасти и ныне не существующий СССР. Культурные, этнические, религиозные и другие аспекты рассматриваются как частное дело отдельного человека. Эта позиция, как показывают германские и мировые СМИ, также уязвима: граждане Германии вынуждены защищать свой мир, поскольку «нос соседа» оказался совсем не там, где планировалось». Рассуждая о рамках, государство и СМИ не учитывают «внерамочный» характер человеческой жизни. Не учитывая, они тем самым усиливают его воздействие: национальный становится синонимом преступного и, таким образом, неприязнь и неприятие возвращаются в оборот отношений как традиционный национализм.

Мультикультурализм, созданный США, не желающими решать проблемы концлагерей, в которых уже века живет аборигенное население, и менять отношений к «рабам», построившим страну с «нуля», стал третьей влиятельной моделью решения проблем, связанных с культурной, расовой и этнической разнородностью государств. Мультикультурализм внешне обычно противопоставляется унификации, подчеркивая важность сохранения и уважения различий. Однако поскольку ни Канада, ни тем более США не собираются обращать большого внимания на решение проблем представителей коренного населения Америки, а также огромного числа национальных групп негроидной расы, привезенных в Америку ее колонизаторами, то более точной и этически корректной СМИ и учеными США и Канады признана четвертая концепция – «салатницы», ее акцент на важности как транскультурных, так и специфических для каждой культуры аспектов. Мультикультурализм является слишком радикальной моделью там, где сообщество не собирается восстанавливать в правах львиную долю живущих, отторгая их от себя не только психологически, но и территориально. Детройт, многие другие поселения-призраки, обезлюдившие после попыток «совместной жизни» «средних американцев» с «несредними» (представителями негроидной расы), продолжающиеся притеснения коренного населения Америки – яркие показатели проблем мультикультуральности, множественности проблем мультикультурализма и необходимости серьезной работы по воспитанию населения и трансформации идеологии стран, в XXI веке продолжающих жить идеалами, которые привели к гибели фашистскую Германию и многие другие геноцидные режимы. Двойственность позиции стран, реализующих и пропагандирующих политику мультикультурализма, очевидна: стремление сохранить этническую идентичность взамен на политическую лояльность и разрешение дальнейшего притеснения и геноцида населения, пропаганды фашизма и рабства хотя и кажется абсурдным, внедряется в сознание «средних граждан» с весьма большим упорством и активностью [Hutnik,

1991; Kukathas, 2007; Kymlicka, 2007, 2009; Lentin, 2008; Mendus, 1992; Modood, 2007; Moghaddam, 1998; Murphy, 2012; Olds and Milner, 1954; Oleza, 2003; Quilaqueo, Torres, 2013; Smith, 1981; Walsh, 2005].

В результате современная эпоха названа эпохой «возвращения в преисподнюю» фашизма, экономического и политического гангстерства и социального каннибализма: рост этнического самосознания народов как противовес тенденциям глобализации широко используется для того, чтобы восстановить попавшие под удар Второй Мировой войны буржуазные структуры – носители идеологии консьюмеризма и национализма. Этот процесс, как видно, носит весьма болезненный характер: более или менее спокойные и равномерные потоки миграции приобрели подчас фантастические размеры. Люди «бегут» из мест, где их открыто или скрытно уничтожают, превращая «беженство» в захват чужих территорий, переживая конфликт перехода от состояния «жертвы» к состоянию «преступника». В этом конфликте мигрант мечется между человеческими, национальными ценностями сохранения и поддержания «домашнего очага», самоуважения и уважения к людям, и тем беспределом, вневрастственными и подчас откровенно нацистскими и грабительскими моделями отношений, который он и другие создают на пути «выживания», включая «выживание» наций-хозяев.

Помощник буржуазии и орудие пропаганды и раздувания межкультурной вражды и фашизма – современные СМИ, чья идеология, понимание мира и самой себя, модели общения с «реципиентами» во всем мире, включая Россию, далеки не только от науки, но и от реальности. Поведение СМИ в отношении вопроса межнациональных отношений, мультикультурности, – классический вариант отношения ко всему важному. В России этот вопрос, согласно «спирали умолчания» не только замалчивается, но и практически лишен попыток хотя бы какого-то реалистичного обоснования умолчания. За рубежом проблема мультикультурности часто используется для более или менее открытого

натравливания масс друг на друга. И в том, и другом случае молчание и война выступают как формы пропаганды фашизма. Подтверждением тому являются исследований теоретиков и практиков мультикультурализма, практические не известные и не изученные СМИ России и избегаемые по мере возможности СМИ «Запада».

По мере медиатизации жизни и СМИ в целом, воздействие последних при этом уже не ограничивается выбором респондента: СМИ проникают в ежечасную жизнь респондентов, не спрашивая и не заботясь о желании последних знать что-либо. Экспансия СМИ в жизнь людей достигла порога: мир превращен в электронный паноптикум, «застеколье», в котором правит «демократия шума», потребление и различные формы неприятия одних людей другими: национализм, эйджизм, сексизм и т.д. Единственная возможность избежать этого воздействия – выйти из общества, а там, где это невозможно, например, в тюрьмах, где «информационные» и иные программы «демократии шума» человек вынужден слушать без какого-либо согласия на это круглосуточно, – только умереть. СМИ помогают структурам и лицам, нередко лишенным каких-либо иных человеческих достоинств, кроме власти и денег, утверждать свои взгляды на мир: и открыто, и скрытно воздействовать на массы, продвигая через «Окна Дж. Овертона» и иные технологии, необходимые «сверхлюдям» («мировому правительству» и т. п.) идеи.

При этом свобода СМИ, за некоторыми, идиосинкразическими, исключениями, подобна свободе и равенству, декларируемым идеями «мультикультурализма»: снаружи одно, внутри – другое. Снаружи гласность: свобода и жизнь, внутри – паноптикум: тюрьма и смерть. Многочисленные аналитические теоретические работы в области пропаганды СМИ смерти и преступности, как и мультикультурализма, также остаются без ответа: обсуждать с наукой и обществом свои преступления против людей ни государство ни СМИ не собираются: нажимая «педаль счастья» быть на вершине рейтингов и финансового благополучия, удовлетворяя

сиюминутные команды инстинктов комфорта и защищённости, важнее реальности и заботы о нравственных и иных аспектах выживания.

Современная концепция транснационализма обращает особое внимание на взаимовлиянии и трансформациях, происходящих в культурах стран приема и стран исхода в связи с массовыми миграциями. Эта концепция предполагает, что мигранты и диаспоры связывают разные общества, они являются «трансмигрантами»: существуя в разных местах и сообществах, в своих действиях они опираются на множественные рамки референций. Мультикультурный контекст предполагает формирование у представителей и у тех, и других групп / диаспор множественную и неоднородную, гетерогенную и полиморфную репрезентацию культурной идентичности: формы понимания себя и мира, возникающие на полях и в центре доминирующей и подчиненной культур, могут использоваться для «переосмысления сложных, множественных, мультикультурных реалий, которые составляют этнокультурное различие. «Принадлежность мигранта расщеплена между опытом «домашнего очага» и «беспределом улицы» [Глостанова, 2000: 1]. Человек как участник кросскультурного контакта, обладающий переходной двойственной или «гибридизированной» идентичностью, расположенной «где-то между», «над схваткой», живет, воплощая в себе противоречия оппозиции «общности – необщности», «принадлежности – непринадлежности» к той или иной нации [Касавин, 1997: 84]. Он везде – и нигде – одновременно. Такой, мозаичный мультикультурализм предполагает набор механизмов, обеспечивающих относительно долгосрочное функционирование группы: эгалитарная взаимность, добровольное самопричисление, свобода выхода и ассоциации [Бенхабиб, 2003: 31]. Однако, любое «долго» имеет конец: выбор должен быть сделан или человек начинает разрушаться. На более общем уровне потоки мигрантов разрушают этнико-религиозную целостность сообщества и государства, осуществляя «колонизацию наоборот». Этот процесс весьма неоднозначен и труден: даже мелкие диаспоры часто разбиты на множество

иных подгрупп, нередко имеющих не только особенности культур и языковых традиций, но и верований, не только отличных и имеющих сложные отношения с другими народностями. Разница внутри культур не намного меньше разницы между культурами.

Что касается мультикультурализма как комплекса идей и действий различных социальных субъектов (государственных и иных организаций), направленных на равноправное развитие различных культур, преодоление дискриминации различных групп населения во всех сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов при трудоустройстве и получении образования, отмену скрытых и явных препон в административной карьере и т.д., в России он практически не практикуется.

Вместе с тем, практики и теоретики, а также СМИ, рассуждают о его необходимости, а также о том, что в России и странах СНГ «поток мигрантов неоднороден: для одних категорий достаточно простейшей первичной адаптации, другие нуждаются в максимальной интеграции, поэтому политика мультикультурализма должна быть дифференцированной по отношению к различным категориям», – пишет Л.В. Русских. Она описывает мультикультурную политику как «балансирование между полюсами «исключения» и «включения» иммигрантов в культурный контекст» [Русских, 2000: 85]. Однако, невнимание к внутренней мультикультуральности в России и на уровне государства, и на уровне СМИ тотально и не случайно: определенной политики страной не выработано, есть лишь неявная стратегия раздувания этнических конфликтов под названием «этническая преступность», а также манипулирование сообществом в направлении все большего отчуждения – дистанцирования – от решения проблем мультикультурности, других проблем «униженных и оскорбленных» бюрократически-гангстерским беспределом «системного монолита», настойчиво пытающегося сохранить права управления тем, что превосходит его во много раз во многих измерениях.

В целом, по мнению ученых, как сам мультикультурализм, так и его

последствия противоречивы и неоднозначны: на внешнем уровне это признание важности культур и поддержка развития самобытных культур и их представителей, отрицание культурного универсализма, на внутреннем – побуждение граждан к отказу от сколько-нибудь существенной интеграции и тем более ассимиляции. В дополнение к этому государство, опирающееся на компрадорскую буржуазию России и Запада, и СМИ фактически не уделяют внимания проблемам этнических отношений вплоть до момента, когда эти отношения перерастают в открытые и массовые столкновения и/или не связаны с группами, традиционно ведущими активную национальную политику.

И Н Т Е Г Р А Ц И Я	Обязательна	Интервенционизм		Ассимиляторство		Империализм	
	Поощряется		Не поддерживают Жесткий ЛИБЕРАЛЬНЫЙ мягкий (центристская концепция) МУЛЬТИ- КУЛЬТУРАЛИЗМ Консерваторы Радикалы				
	Воспринимается терпимо	Метекизм					Миллетизм
	Сдерживается						
	Запрещается	Изоляционизм					Апартеид
		Запрещается	Сдерживается	Воспринимается терпимо	Поощряется	Обязательна	
		УЧАСТИЕ					

Рисунок 1. Реакции на проблему многообразия [Kukathas, 2007].

Вместе с тем, благодаря выгодам мультикультурализма, меньшинства могут начать и начинают отделять себя от этнического большинства. Людям выгодно быть не просто мигрантами и пострадавшими от войн, а мигрантами и пострадавшими определенной этнической группы: как можно увидеть, анализируя политику России, политику ООН, многих других структур, для дискуссии и помощи выбираются лишь некоторые, «трендовые» районы мира и темы, некоторые нации и группы страдающих: в зависимости от целей, стоящих перед стремящейся к благоденствию и самосохранению этих структур. Ситуации военных действий одних стран – широко тиражируются и обсуждаются, геноцид народов в других странах – активно умалчивается.

Ученые полагают, что правильно организованная психосоциальная помощь беженцам и вынужденным переселенцам, как отмечают исследователи, должна быть направлена на активизацию внутренних ресурсов вынужденных мигрантов, овладение эффективными способами самопомощи, преодоление кризисной жизненной ситуации. Однако, ни политические структуры, ни СМИ как рупор этих структур, данную тему практически не освещают: одиночные программы, посвященные деятельности ФМС, одного из самых высоко коррумпированных органов государства, посвящаются трансляции идеи «выгод» миграций для России и государства, но не помощи людям. Таким образом, многие СМИ и представители государства активно, хотя и не напрямую, поскольку это запрещено законом, практикуют рекламу потребительства и безграмотности, национальной и иной вражды. Проблемы мигрантов занимают люди, чьи устремления и навыки далеки от нравственных и профессиональных: бюрократия и СМИ, живущие на средства и посредством практик компрадорства, не заинтересованы в продуктивных изменениях. Медиаотражение идеологии и практик мультикультурализма в общероссийской и региональной прессе, так же как их отражение в прессе мировой, различно, однако в целом оно однозначно поддерживает раздувание национальных конфликтов. СМИ России последние десятилетия практически не обращают внимания на то, что мультикультурализм, как и «демократия», «плюрализм», «гласность», «толерантность», есть, по сути, способ разжигания национальных и иных конфликтов. Мультикультурное разнообразие воспринимается, с одной стороны, как социально-бытовая данность, не составляющая политической и иных проблем, при этом национальное разнообразие и культурные различия чаще раздражают: таблоидные и иные СМИ в основном рассматривают мультикультурализм дескриптивно, в контексте культурной неоднородности и демографического фактора. Рост интереса к мультикультурной политике связан скорее с модой на нее, с фактом введения данного слова в язык СМИ, с тем, что их

употребляют основные спикеры и ньюсмейкеры страны. Однако выступления глав государства, Президента, обращенные к понятиям мультикультурности, важности гармонизации межкультурных отношений, хотя и цитируются, но развернуто не обсуждаются. СМИ нередко дискутируют о проблемах применения тех или иных политических практик, обсуждают вопросы интолерантности, которая растет в обществе из-за неправильного применения этих практик, однако обсуждаются эти проблемы не на уровне профессионального этнопсихологического или этносоциологического дискурса, на уровне концептов и научных знаний, мирового опыта, а на уровне бытовых рассуждений: «мигранты пополнили казну ФМС», «мигранты отнимают работу у граждан России», «растет этническая преступность», «религиозный экстремизм» и т. д. Аналогичная ситуация: СМИ России не публикуют статьи о том, как достичь или поддержать демократию и справедливость в условиях культурной неоднородности, как гармонизировать сохранение культурных традиций и соблюдение прав человека, культурную идентичность и вестернизированное бескультурье. Ни таблоидные, ни качественные СМИ, ни государственные структуры России, не приглашают ученых и практиков-экспертов в области мультикультурализма, этнопсихологии и этносоциологии к обсуждению проблемы мультикультуральности, не создают площадку для дискуссии на эту тему и не обозначают «проблему мультикультурализма» как нечто реально существующее в России и требующее рассмотрения. В СМИ России начала XXI века и до сих пор почти полностью отсутствует контекст «социальной и политической теории и философии», – нет никаких маркеров присутствия этого контекста, упоминания ведущих исследователей проблемы мультикультурализма в России и в мире единичны. Даже качественные, «серьезные», издания не приглашают экспертов – идеологов и теоретиков, которые специализируются на построении общих теорий, анализе и позитивных, и негативных сторон мультикультуральности. Однако часто приглашают «практиков», в основном, политиков, занятых

преимущественно оформлением благополучных (в плане «освоения средств» на мультикультурную политику) отчетов и/или саморекламой. Причина одна: заказ на гармонизацию межкультурных отношений в обществе отсутствует, даже вопреки транслируемым руководством страны ориентирам. Аналогичная, хотя и более запутанная ситуация сложилась и за рубежом: во многих цивилизованных странах эксперты проводят исследования, привлекаются к обсуждению СМИ, однако это делается в основном для того, чтобы подчеркнуть «ведущие идеи», задаваемые не столько экспертами, сколько интересами политики и бизнеса. Понятие «мультикультурализм» на страницах российских СМИ не соотносится с российской реальностью, в том числе с российской политикой: журналисты разводят ситуацию на «Западе» и ситуацию в России в разные стороны, рассматривая мультикультуральность и кризисы национальных отношений как трагедии Запада, не имеющие ничего общего с Россией. В эпоху, названную эпохой этнического возрождения, такая позиция СМИ вызывает много вопросов. Аналогичным образом много вопросов вызывает общая позиция СМИ, практически не обращенная на опыт научных исследований важнейших проблем страны и мира: тип повседневно-упрощенного, потребительского и отчуждённого понимания себя и мира, который транслируют современные СМИ, разрушителен для общества и самих СМИ, сотрудники которых вполне закономерно сталкиваются с реальностью депрофессионализации и профессиональной деформации, а также психических и иных нарушений. СМИ – средство массовой коммуникации, которое не должно быть сведено к манипуляции массами, но использовано для организации продуктивного социального диалога по поводу наиболее болезненных тем общества. Таких тем в современной медиареальности России очень много: проблемы мигрантов, проблемы заключенных, проблемы нищих и бездомных, проблемы сирот и проблемы бездетности, проблемы промискуитета и пропаганды секса при отсутствии цензуры, проблемы низкого качества и симулякров образования и медицинской помощи, преступность

представителей правоохранительной системы, безнравственность и духовная деградация населения. Получив возможность говорить «всё», СМИ, однако, выбрали «всё» что угодно, кроме реальных проблем страны. Поддерживая переживание населением своей неспособности хоть что-то изменить в его жизни, СМИ помогают создателям этой идеи разрушать самих себя и мир вокруг. На наш взгляд, СМИ нуждаются в том, чтобы помогать людям видеть жизнь «без прикрас» и так, чтобы каждый человек понимал возможность и необходимость своего вклада в изменение и украшение жизни – своей и других людей. СМИ нуждаются в переориентации на идеи социального служения и трансляции этой идеи в массы: ключ к развитию самих СМИ – в развитии масс.

В Испании проблема мультикультурализма во многом носит негативный оттенок. Против мультикультурализма высказались целый ряд известных учёных и политиков, однако сейчас так или иначе констатируются явные симптомы кризиса мультикультурализма: рост ксенофобии и расизма со стороны коренного населения, наряду с тенденциями изоляции и обособления иммигрантов, не стремящихся интегрироваться в испанское общество. Как и в других странах, есть немало людей «по обе стороны баррикад», в данном случае испанцев и выходцев из иных стран, относящихся друг к другу дружелюбно и уважительно, готовых к совместному проживанию на основе полного равноправия (начиная с Англии, Италии, Болгарии и Румынии и заканчивая Марокко, Колумбией, Перу и Эквадором). При самых разных обстоятельствах и проблемах в кросс-культурных контактах с жителями Европы и/или христианами, даже если они выходцы из Латинской Америки, но говорят на испанском языке, особых трудностей не возникает. Однако все иначе в отношении к мусульманам – жителям Азии и Африки, носителям иной культуры и обычаев. Последние часто приезжают в Испанию в надежде на «лучшую жизнь», однако вынужденно занимают маргинальные ниши. Крушение их надежд связано и с отсутствием поддержки принимающей стороны, и с отсутствием поддержки

от соотечественников, с конъюнктурой на рынке труда и недостатком жизненного и профессионального опыта, с переживаниями по поводу неприятия со стороны коренного населения и нежеланием изучать язык и культуру Испании, разделять ценности секуляризации религии, ее отделенности от государства и ценности свободного общества с гораздо меньшими требованиями в сфере семейно-родовых отношений, чем у мусульманских культур, мироощущением «возвратившихся на родину» или просто – «захватчиков» новой земли и т. д. Например, часть радикально настроенных мусульман в Испании, полагает, что несмотря на Реконкисту, большая часть территории Испании «по праву» принадлежит мусульманам, поэтому они в скором времени возвратят себе «незаконно отобранную землю» и установят на ней исламские законы. Проповедники пропагандируют превосходство шариата над законодательством страны, осуществляются попытки организации параллельного – исламского – государства и общества: например, функционируют шариатские «суды», которые не только следят за поведением мусульман независимо от степени их религиозности, но и приводят в исполнение наказания. Либеральные, демократические ценности, не имея под собой религиозного, «сакрального оправдания», а значит и способности регулировать инстинкты, проигрывают ценностям мусульман, имеющим сакральное значение. Поэтому, приезжая на чужую землю, иммигранты считают правильным насаждать привычные им законы, что влечёт за собой появление «шариатских патрулей» и судов, неуважительное отношение мусульман к европейским ценностям и нормам жизнедеятельности, разжигает взаимную неприязнь между коренными жителями и приезжими. Однако также много людей, в том числе организаций гражданского общества, которые с принятием относятся к иммиграции и мультикультурализму, понимая разнообразие и диалог культур как «богатство», ресурс все более глобализирующегося – унифицирующегося мира. Наряду с мультикультурализмом, который в основном связан с волнами новой этнической иммиграции, в Испании

усиливается политика идентичности, а также тенденция к возрождению ранее маргинализированных языков национальных меньшинств. Испания отличается от большинства стран Европы и тем, что ей свойственен не только «внешний мультикультурализм», но и «внутренний мультикультурализм». Жители разных регионов Испании – Галисии, Каталонии и Басков – говорят на собственных языках, которые значительно отличаются от кастильского (в традиционном понимании – испанского), сохраняя элементы своей культуры в эпоху глобализации. Отказ от мультикультурализма в этих условиях невозможен, поскольку привел бы к ущемлению прав и этих народов. Однако в целом позиция испанского правительства фиксирует признание существования рас, живущих в условиях европейской культуры и демократии, требования которой применяются ко всем, кто живет в Испании, создавая общество мультирасовое, но не мультикультурное. Аналогичным образом, все большее число мигрантов не стремятся вливаться в сообщество коренных жителей, не имеет чувства признательности по отношению к людям и странам, предоставившим убежище и жизненные возможности: есть ощущение, что мир принадлежит всем одинаково, а современные средства связи позволяют поддерживать контакты с родиной, избегая интеграции в чужое общество. Позиция СМИ Испании намного более открыта и обращена к разным, в том числе научным, представлениям о мультикультуральности, однако и здесь она в большей мере служит интересам не гражданского общества, а государства и бизнеса. Как и в России, в центральных, федеральных СМИ муссируются идеи о том, что «иммигранты оставляют нас без работы», да и сами мигранты – латиноамериканцы и другие – представляются скорее гастарбайтерами, чем высококвалифицированными специалистами. Ксенофобия – отражение понимания того, то политика мультикультурализма оказалась политикой «неполной» интеграции, того, что мультикультурализм раскалывает общество. Эта политика привела к ряду негативных последствий для социокультурной и политико-экономической стабильности страны. Это понимание

приводит к всплескам ксенофобии, смене резких подъемов и спадов отношений принятия и непринятия, терпимости и страха и т. д. По мнению Ст. Кастлса [Castles, 1987], мультикультурализм означает «оставление мифа о гомогенном и монокультурном национальном государстве». Однако оставить миф еще не значит решить проблему. Решение последней ищут в истории. Поиски альтернатив мультикультурализма современные исследователи ищут в «мультирелигиозности». Как указывает Ш. Актюрк [Aktürk, 2012], это устройство, реализованное во времена Османской империи, означало не существование альтернативных судебных систем и равенство между религиозными группами, а относительно широкую автономию людей Писания (аль-китаб) под эгидой исламской юриспруденции. Ш. Ханиоглу [Hanioglu, 2008] отмечает, что османский мультикультурализм носил иерархичный и доминирующий характер, его принципом была справедливость, а ведущим принципом европейского и американского мультикультурализма является равенство. Очевидно, что последний принцип более насыщен с точки зрения религиозных ценностей и потому может выступить основой построения более гармоничных отношений. Однако это возможно только в том случае, если в его основе будут лежать «взаимно легитимные» духовно-нравственные основания. Однако именно они – проблема и для России, и для Испании, и для всего мира, отказавшегося от культуры ради «свободы» и «равенства».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. 350 с.
2. Касавин И.Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 84–86.
3. Русских Л.В. Основные направления политики мультикультурализма в России // Вестник Южно-Уральского ГУ. Сер. Соц.-гуман. науки. 2014. № 2. С. 85–89.

4. Тлостанова М.В. Мультикультурализм и литература США конца XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.05. М., 2000. 353 с.
5. Aktürk Ş. Regimes of Ethnicity and Nationhood in Germany, Russia, and Turkey. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 321 p.
6. Beck Ul. What is Globalization? Cambridge: Polity Press, 2000. 192 p.
7. Berry J.W., Pleasants M. Ethnic Tolerance in Plural Societies // International Conference on Authoritarianism and Dogmatism. Potsdam. 1984.
8. Brislin R.W. Cross-cultural encounters. New York, 1981. 372p.
9. Castles St. A new agenda in multiculturalism? // Centre for Multicultural Studies, University of Wollongong. 1987. Occasional Paper 12, 18. P. 1–20.
10. De Vallescar D. Cultura, Multiculturalismo e Interculturalidad. Hacia una racionalidad intercultural. Madrid: Perpetuo Socorro, 2000.
11. Hanioglu Ş. Brief History of the Late Ottoman Empire. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008.
12. Hughes R. Culture of Complaint. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1993.
13. Hutnik N. Ethnic minority identity: A Social Psychologic at perspective. Oxford: Clarendon Press and New Delhi OUP, 1991.
14. Kukathas Ch. Liberalism, Communitarianism and Political Community. Social Philosophy and Policy. 1996. 13 (1). P. 80–105.
15. Kukathas Ch. The liberal archipelago. A Theory of Diversity and Freedom. Oxford: Oxford University Press, 2007. 304 p.
16. Kymlicka W. Multicultural Odysseys. Navigating the New International Politics of Diversity. Oxford: Oxford University Press, 2007. 374 p.
17. Lentin Al. Racism: a beginner's guide. Oxford: Oneworld. 2008.
18. Mendus S. Toleration. Encyclopedia of Ethics. New York – London, 1992. P. 12–51.
19. Modood T. Multiculturalism. Cambridge: Polity, 2007.
20. Moghaddam P.M. Individualistic and collective integration strategies

among immigrants. // *Ethnic Psychology: research and practice with immigrants, refugees, native peoples, ethnic groups and sojourners*. Amsterdam: Lisse: Swets & Zeitlinger, 1998. P. 69–77.

21. Murphy M. *Multiculturalism: A Critical Introduction*. New York: Routledge Contemporary Political Philosophy, 2012. 208 p.

22. Olds J. and Milner P. Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain. *J. Comp. Physiol. Psychol.* 1954. 47. P. 27–419.

23. Oleza J. Multiculturalismo y globalización: pensando históricamente el presente desde la literatura Prosopopeya // *Revista de crítica contemporánea*. Conferencia en el Congreso de la ASETEL. Valencia. Rectorado. 31 de enero del 2003. Otoño-invierno 2003 (2004). 4. P. 133–156.

24. Quilaqueo D.R., Torres H.C. Multiculturalidad e interculturalidad: desafíos epistemológicos de la escolarización desarrollada en contextos indígenas // *ALPHA*. 2013. 37. P. 285–300.

25. Radtke F.O. *Multikulturalismus* // *Fliuchtpunkt Europa*. Hrsg. von Martina Fischer. Fr., 1998. P. 138–157.

26. Sharma S. *Multicultural encounters*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2006.

27. Smith A.D. *The Ethnic Revival in the Modern World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 240 p.

28. Walsh C. Interculturalidad, conocimientos y decolonialidad. *Signo y Pensamiento*, 2005. 24 (46) P. 39–50.

29. Weldon S. *Images of nationhood and tolerance of ethnic minorities*. California: University of California, 2003.

«ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ДЕФОКУСИРОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассматривается проблема ложных друзей переводчика с точки зрения теории языковых механизмов дефокусирования, предложенной О.К. Ирисхановой. На примере анализа отдельных этимологически родственных лексем испанского и русского языков показано, как изменение степени выделенности тех или иных свойств объектов или ситуаций приводит к семантическим модификациям интернационализмов, и какое значение это имеет для практики перевода.

Ключевые слова: ложные друзья переводчика, значение, семантика, лексема, дефокусирование, перевод, испанский язык, русский язык.

Abstract: The article deals with the problem of a translator's false friends from the view pont of the theory of linguistic mechanisms of defocusing offered by O.K. Iriskhanova. On the example of the analysis of some Spanish and Russian lexical units of a cognate etymology, the author illustrates how the change in the degree of prominence of some aspects of objects or events leads to semantic modifcatons of the international words and how important it is for translation practice.

Key words: a translator's false friends, meaning, semantics, lexical item, defocusing, translation, the Spanish lnguage, the Russian language.

Проблема ложных друзей переводчика не теряет своей актуальности, поскольку с ней регулярно сталкиваются как практикующие переводчики, так и студенты и преподаватели в процессе обучения переводу. Изучение данного аспекта лежит в русле контрастивной лексикологии, наработки которой, как считает С.И. Канонич, должны интегрироваться в память переводчика, в его когнитивную активность [Канонич, 2001]. При этом переводные словари и учебные пособия не всегда оказываются эффективны в решении проблемы понимания и перевода подобных лексем.

Прежде всего стоит отметить, что сам термин «ложные друзья переводчика» далеко не во всех случаях приемлем по отношению к словам, чье написание и/или произношение в одном языке сходно с таковыми в другом языке. Разумеется, ложными друзьями (то есть замаскированными врагами) можно считать случайные межъязыковые совпадения типа *баба* (русск.) – *baba* (исп.). Вместе с тем этимологически родственные лексемы

разных языков, значения которых не совпадают, зачастую не заслуживают клейма «врагов», которое по традиции на них ставится. Так, пара лексем *регулярный* (русск.) – *regular* (исп.) обсуждается в известном пособии по переводу исключительно с позиции различий в значениях этих слов в русском и испанском языках, и выносится рекомендация не использовать их в качестве переводческих эквивалентов [Иовенко, 2001]. Однако стоит напомнить, что словосочетание *vuelo regular* имеет в русском языке соответствие «*регулярный рейс*». Таким образом, несмотря на расхождения в значениях, есть и точки соприкосновения в семантике данных лексем, что, разумеется, объясняется в первую очередь общей этимологией. Именно такие слова представляют серьезную проблему при переводе, ведь задача переводчика состоит в том, чтобы научиться понимать, когда интернационализмы или псевдоинтернационализмы (граница здесь условна) ведут себя как друзья, а когда – как враги.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть проблему ложных друзей переводчика (межъязыковых омонимов или паронимов) с точки зрения теории языковых механизмов дефокусирования, предложенной О.К. Ирисхановой [Ирисханова, 2014]. В рамках данной теории рассматриваются сдвиги фокуса внимания, лежащие в основе построения языковых значений, при этом особую роль имеет дефокусирование – способность с помощью языковых средств понижать степень выделенности тех или иных свойств объектов или ситуаций. Автор данной теории изучала, в числе прочих аспектов, дефокусирование в семантике лексических единиц и, в частности, провела подробный анализ пары лексем *compromise* (англ.) – *компромисс* (русск.), сделав вывод, что восходящее к латинскому *compromissum* ('договоренность', 'взаимное обещание') французское заимствование *compromis* прошло различный путь в английском и русском языках. Напомнив о том, что еще А. Вежбицка обратила внимание на нетождественность польского *kompromis*, обладающего отрицательной оценочностью, и английского *compromise*, О.К. Ирисханова отмечает, что

«при попадании слова в иной язык, а значит, и в другую социокультурную среду нередко происходят такие сдвиги внимания, при которых степень выделенности тех или иных компонентов описываемых событий пересматриваются, что приводит к существенным семантическим модификациям данной лексемы» [Ирисханова, 2014: 126].

При том, что английская и русская лексемы сохраняют определенное семантическое сходство и в определенных контекстах могут использоваться как переводческие эквиваленты, они различаются прежде всего оценочным компонентом. Так, отмечается, что английскому существительному в основном свойственна положительная оценка желательности, разумности, успешности действий по достижению несколькими агенсами компромисса, однако производные слова (*to compromise, compromising*) выражают действие, допускающее отрицательную оценку. При этом негативная оценка ситуации компромисса выходит в первичный фокус тогда, когда выделенным оказывается один участник, а второй полностью дефокусируется. В отношении русского *компромисс* утверждается, что представленные в словарях типичные контексты употребления данного слова свидетельствуют если не о преобладании, то, по крайней мере, об активности отрицательной этической оценки, а также то, что у него развивается значение, в котором дефокусируются элементы ситуации, находившиеся в первичном фокусе в исходной лексеме – положительно оцениваемое следствие/цель действия [Ирисханова, 2014: 129–132].

Таким образом, рассматриваемые лексемы не во всех случаях можно считать переводческими эквивалентами, так как русское *компромисс* актуализирует в основном значение «соглашение на основе взаимных уступок при столкновении интересов сторон» (при этом уступки зачастую вынужденные и не совсем приемлемые с точки зрения морали), а английское *compromise* – такие значения как («взаимная договоренность, взаимное обязательство»).

Обратимся к испанскому слову *compromiso*. У него, как и английском *compromise*, в наборе значений есть ‘соглашение’, ‘договоренность’ (подразумевающие взаимность), а также соответствующие производные значения – ‘компромиссное решение’, ‘обручение’, ‘соглашение о передаче дела в третейский суд’, ‘положение договора’. С другой стороны, словарь дает в качестве перевода русское слово ‘компромисс’ (разумеется, несущее определенную отрицательную оценочность) и связанные с ним значения ‘уступка’, ‘мировая сделка’, ‘заключение мировой сделки’, ‘затруднительное положение’, ‘компрометирование’. Однако, в отличие от английской и испанской лексем, испанское существительное обладает такими специфическими значениями, как ‘обещание’, ‘обязательство’ с производными ‘принятая обязанность’, ‘дело’, ‘занятие’, ‘арбитраж’, ‘решение арбитража’; и др. Опыт показывает, что перевод слова *compromiso*, употребленного именно в значениях типа ‘обещание’, ‘обязательство’, вызывает наибольшее количество ошибок у начинающих переводчиков, поскольку в этих случаях происходит непривычное явление: дефокусируется компонент «взаимность», так или иначе присутствующий как в английском существительном, так и в русском. Вместе с тем, значения ‘обещание’, ‘обязательство’ весьма частотны в функционировании испанского *compromiso*, и толковые словари указывают их в первую очередь: «1. m. obligación contraída; 2. m. palabra dada» [Diccionario de la Real Academia Española. URL: <http://dle.rae.es/?id=A41ilou>], «una obligación que se ha contraído o a una palabra ya dada» [Pérez Porto, Gardey. URL: <http://definicion.de/compromiso/>].

О частотности свидетельствует и то, что в испанском языке существует множество устойчивых терминологических сочетаний экономической и финансовой сферы на базе этого слова, употребленного в значении ‘обязательство’: *compromiso verbal* – ‘устное обязательство’, *compromiso pago* – ‘платежное обязательство’, *compromiso bancario* – ‘обязательство банка’, *compromiso en firme* – ‘твердое обязательство’, *compromiso de no salir* –

‘подписка о невыезде’, *compromiso de no retorno* – ‘обязательство не возвращаться’, *oferta sin compromiso* – ‘свободное предложение’ (без обязательств) и т. д.

Данное значение также нередко актуализируется в юридическом и политическом дискурсе: *todas las personas, como ciudadanos, tienen un compromiso con el resto de la sociedad que implica el cumplimiento de las leyes*.

Итак, лексема *compromiso* может выступать и как истинный, и как ложный друг, и в этом кроется основная проблема для переводчика: он должен в каждом случае контекстного употребления определить, какой из своих сторон повернулось слово. В этом непростом деле ему поможет то, что С. Канонич называет индивидуальный имидж слова, то есть представление о полном наборе его значений [Канонич, 2001]. Однако на практике это, как правило, труднодостижимый идеал. К тому же известно, что слово может приобретать контекстуальные значения, не зафиксированные словарями. Так, при переводе предложения *Mañana a las cinco de la tarde paso por tu casa, es un compromiso* уместно использовать не только ‘я обещаю’, но и ‘мы договорились’. Предложение *He adquirido el compromiso de solucionar esta cuestión en el transcurso de la semana* может быть переведено с использованием слова ‘обязательство’. Однако в этих случаях выбор так или иначе осуществляется среди словарных значений слова *compromiso*. При переводе же предложения *Mi compromiso es con la gente* словарных значений (как зафиксированных переводческих эквивалентов) может оказаться недостаточно, поскольку вполне адекватным в данном случае может быть перевод ‘я несу ответственность перед людьми’.

С нашей точки зрения сформировать индивидуальный имидж слова может помочь знание теории дефокусирования, поскольку на ее основе переводчик может сам принимать эвристические решения в поиске верного понимания смысла и оптимального способа перевода. Отталкиваясь от ядерного значения лексемы (как правило, восходящего к базовому концепту этимологического источника), можно делать выводы о дефокусировании тех

или иных компонентов этого значения и, следовательно, о появлении нового значения.

С другой стороны, существует проблема совпадения значений интернационализмов в одних видах дискурса и расхождения в других сферах. Так, испанское слово *equipaje*, известное изучающим испанский язык прежде всего в значении ‘багаж’ и потому воспринимаемое как ложный друг переводчика, может функционировать в значении ‘экипаж’ в сфере мореплавания: словарь Multitran указывает с пометой «мор.» слово *equipaje* как переводческий эквивалент русского ‘экипаж’.

Аналогично, слово *idiosincrasia* должно восприниматься при переводе на русский язык прежде всего как ложный друг переводчика, поскольку в русском языке *идиосинкразия* употребляется либо как медицинский термин в значении «индивидуальная особенность организма, заключающаяся в болезненной реакции на некоторые раздражения (зрительные, вкусовые, обонятельные)» [Большой словарь иностранных слов, 2007], либо, в переносном значении, как «болезненное отвращение или болезненная склонность к чему-н.» [Большой словарь иностранных слов, 2007].

Было бы ошибочным опираться на данные значения при переводе таких предложений, как:

(...) gran parte de la clase política pensaba, incomprensiblemente, que respetando la idiosincrasia antidemocrática del ejército, éste acabaría aceptando la democracia;

(...) el presidente de la Fundación destacó las «mil batallas» libradas por el dirigente catalán «defendiendo la idiosincrasia y la ideología de un pueblo a capa y espada»;

La profunda idiosincrasia franquista del ejército, acostumbrado a obedecer ciegamente, había jugado en contra de los golpistas;

Hable con gente que haya comprado perros al mismo criador. E infórmese de la idiosincrasia de la raza elegida;

(...) la idiosincrasia de mi pueblo es muy particular, y no queremos perderla por los efectos de la globalización;

Cada país tiene su particular modo de expresarse, sentir y actuar, que conforma su idiosincrasia;

La idiosincrasia de un lugar está profundamente ligada a su historia.

В приведенных выше примерах актуализируется наиболее частотное значение испанского слова *idiosincrasia*, которое Словарь Испанской Королевской Академии определяет следующим образом: «Rasgos, temperamento, carácter, etc., distintivos y propios de un individuo o de una colectividad» [Diccionario de la Real Academia Española. URL: <http://dle.rae.es/?id=A41ilou>].

При этом данное слово, употребленное в качестве медицинского термина, реализует значение, весьма сходное с основным значением русского слова *идиосинкразия*:

En Medicina el concepto de idiosincrasia hace alusión a cómo responde el organismo individual por su propia constitución genética, ante la recepción de un medicamento, en general cuando lo hace de modo adverso, sin ser una alergia, sino provocado por una carencia enzimática [Concepto de idiosincrasia. URL: <http://deconceptos.com/general/idiosincrasia>]. Очевидно, что, имея один этимологический источник – греческое слово *ἰδiosisynkrasía* (*idiosynkrasía* (idios ‘особый’, ‘своеобразный’ + *synkrosis* ‘смешение’), испанская и русская лексемы по-разному распределили фокус внимания к определенным компонентам описываемого явления в своих частотных значениях. Что касается значения ‘неприятие, отвращение, отторжение’, очевидно, что его развитие шло по метонимическому принципу причинности, т. е., с точки зрения механизма дефокусирования, произошел сдвиг фокуса внимания с индивидуальных особенностей как таковых на последствия, обусловленные данными особенностями.

Итак, теория языковых механизмов дефокусирования позволяет четче увидеть как сходство, так и различия в семантике анализируемых лексем, что

представляет интерес для практики перевода, поскольку понимание соотношения «универсальное – этноспецифическое» в семантике интернационализма относится к сфере компетенции переводчика, которому приходится решать, какое из значений реализуется в том или ином контексте. В данном направлении представляется чрезвычайно важным умение переводчика вычленять ядерное значение слова (при этом оно может не совпадать с основным в данном конкретном языке), опираясь на которое он может эвристически определять контекстуальное содержание и находить оптимальное переводческое решение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Канонич С.И. 300 ложных друзей переводчика. Испанско-русский словарь-справочник. М.: Менеджер, 2001. 112 с.
2. Иовенко В.А. Практический курс перевода (испанский язык). Учебник. М.: ЧеРо, 2001. 420 с.
3. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
4. Diccionario de la Real Academia Española [Электронный ресурс]. URL: <http://dle.rae.es/?id=A41ilou> (дата обращения: 14.09.2016)
5. Julián Pérez Porto y Ana Gardey. Definición de compromise // Definicion.de [Электронный ресурс]. URL: <http://definicion.de/compromiso/> (дата обращения: 14.09.2016)
6. Большой словарь иностранных слов. М: ИДДК, 2007. 816 с.
7. Concepto de idiosincrasia [Электронный ресурс]. URL: <http://deconceptos.com/general/idiosincrasia> (дата обращения: 14.09.2016)

ОТРАЖЕНИЕ ЭКСПРЕССИИ В РУССКО-ИСПАНСКИХ СЛОВАРЯХ

Аннотация: Широкое использование фразеологизмов и стилистически окрашенных лексем в качестве одного из наиболее распространенных способов интенсификации речи в испанском языке может серьёзно затруднить межкультурную коммуникацию. Для преодоления этих сложностей необходимы русско-испанские словари разговорной лексики, предлагающие наиболее точный и стилистически соответствующий вариант перевода русских лексем и фразеологизмов на испанский язык. Представленные в них лексические и фразеологические единицы должны по возможности быть проиллюстрированы примерами, а отдельные лексемы – связанными с ними фразеологизмами и устойчивыми выражениями. Словарные статьи в большинстве случаев должны сопровождаться стилистическими и географическими пометами.

Ключевые слова: русско-испанский словарь, словари фразеологизмов, фразеологизмы, стилистически окрашенные лексемы, интенсификация речи, межкультурное общение.

Abstract: The widespread use of phraseological and stylistically colored lexical units as one of the most common ways of intensifying speech in the Spanish language can seriously impede intercultural communication. To overcome these difficulties, it is necessary to use Russian-Spanish dictionaries of colloquial vocabulary that offer the most accurate and stylistically appropriate version of the translation of Russian lexical and phraseological units into Spanish. The lexical and phraseological units represented in these dictionaries should, if possible, be illustrated by the examples, and some lexical units should be associated with phraseological units and set phrases. In most cases, dictionary articles should be accompanied by stylistic and geographical marks.

Keywords: Russian-Spanish dictionary, dictionaries of phraseological units, phraseological units, stylistically colored lexical units, intensification of speech, intercultural communication.

Испанский язык полинационален и мультивариативен, что затрудняет коммуникацию не только между носителями испанского языка и их иноязычными собеседниками при общении по-испански, но и между самими испаноязычными гражданами: жителями Испании и Латинской Америки, различных стран Латинской Америки и даже между представителями разных регионов внутри одной страны, а иногда и между людьми одного региона. Таким образом, по Ю.М. Лотману [Лотман, 2000], семиотическое пространство, в рамках которого существует испанский язык, не является гомогенным. Кодовые системы говорящих по-испански не всегда совпадают, ввиду различий в правилах и принципах функционирования речи, а значит,

возникают определенные трудности в процессе коммуникации, которые необходимо регистрировать и систематизировать. Говорящий на испанском языке постоянно прибегает к различным способам интенсификации своей речи – зачастую через использование фразеологизмов и стилистически окрашенных лексических единиц – выходя за пределы нормы, с целью сделать высказывание более выразительным, экспрессивным [Мед, 2007]. Поэтому именно в разговорной, экспрессивной речи чаще всего может возникнуть непонимание в процессе межкультурного общения.

Значит ли это, что в таких ситуациях говорящим на испанском языке приходится обеднять свою речь, отказываясь её интенсифицировать из опасения быть непонятым реципиентом? Несомненно, этот вопрос остро встает в процессе непринужденного общения между участниками международных встреч, чьим рабочим языком является испанский, вне зависимости от того, является ли он для них родным или выученным. Участники диалога начинают очень внимательно относиться к своей речи, стараясь избегать лексем и фразеологических единиц, которые по их мнению, не являются общеиспанскими. Речь каждого из них перестает полностью соответствовать национальному варианту, которого изначально придерживается говорящий, однако не обязательно становится пресной, неэкспрессивной. Вопрос правильного отбора и интерпретации для успешной реализации коммуникативного акта при использовании стилистически окрашенных лексических и фразеологических единиц становится основным в процессе межкультурного диалога [Иовенко, 2013: 18].

Огромный интерес к испанскому языку Америки, возникший в середине прошлого века, многочисленные исследования в области вариативности испанского языка, проводившиеся в СССР и России в последние пятьдесят лет, выход в свет работ, посвященных испанскому языку Мексики, Колумбии, Эквадора, Венесуэлы, Аргентины и т.д. в рамках единого испанского языка, приводили многих изучающих испанский язык к мысли о необходимости приводить свою речь в соответствие определённому

варианту. Но неожиданно оказалось, что процесс глобализации сделал мир очень маленьким, затронув средства коммуникации, логистику, политику, экономику, что немедленно отразилось на языке. Люди, говорящие по-испански, в какой бы стране они ни проживали, то и дело оказываются в ситуации, которая требует выхода за пределы этого конкретного, когда-то усвоенного варианта. Но если проживающие в испаноязычных странах, закончив межкультурных диалог, пока что ещё могут вернуться в своё семиотическое пространство, в «свои языковые варианты», то проживающие в неиспаноязычных странах, продолжают оставаться в межкультурной среде, что ещё более осложняет задачу правильного отбора и использования лексических и фразеологических средств, интенсифицирующих их речь.

Для того чтобы принимать правильные решения об использовании тех или иных экспрессивных лексем и фразеологизмов, необходимы словари, чей недостаток ощущается не только в России, но и в других странах. Это отмечают многие испанисты, в частности, профессор Университета де Ла Лагуна Мария Исабель Гонсалес Агиар (María González Aguiar), занимающаяся вопросами региональной и диалектной фразеологии, указывает на необходимость разработки словарей региональных фразеологизмов в качестве одной из наиболее срочных задач, стоящих перед современной испанистикой [González Aguiar, 2007: 236], одновременно отмечая сложность этой задачи из-за «наличия большого разнообразия фразеологических единиц, связанных с географической распространённостью испанского языка, которая затрудняет их регистрацию» [González Aguiar, 2007: 238]. В предисловии к Словарю фразеологизмов [Seco y Ramos, 2004: 12] авторы отмечают, что «фразеологические единицы в испанском языке множатся невероятно быстро благодаря естественной склонности испаноговорящих моделировать новые словосочетания для придания экспрессивности своей речи» [Aguilar, 2007: 12].

Несмотря на огромное количество существующих одноязычных словарей разговорной лексики испанского языка, диалектных и региональных фразеологизмов (например словари общеиспанской лексики, содержащие большое количество фразеологизмов, поговорок и устойчивых словосочетаний; словари отдельных национальных вариантов испанского языка: кубинского, пуэрториканского, аргентинского, мексиканского и других; в рамках пиренейского национального варианта испанского языка можно отметить словари фразеологических единиц андалузского, арагонского, канарского, леонского, риохского и других диалектов), существует реальный дефицит двуязычных фразеологических словарей и словарей разговорной лексики.

Это в полной мере относится к двуязычным русско-испанским фразеологическим словарям или словарям общей лексики, включающим в себя фразеологические единицы, пословицы, поговорки, устойчивые словосочетания.

Основная проблема заключается в большой сложности найти искомое слово, ведь русско-испанские словари предлагают по большей части нейтральную лексику, которая, хотя и отражает смысл сообщения, не может передать эмоциональное состояние говорящего:

Например, мы хотим сказать «шарахнуть, долбануть, жахнуть» в значении ‘сильно ударить, стукнуть’, и для этого обращаемся к ряду доступных нам русско-испанских словарей. Рассмотрим варианты, которые они предлагают:

Электронный словарь АВВУ:

‘стукнуть’ сов., вин.п. asestar un golpe, pegar vt

‘шарахнуть’ вин.п., твор.п., (ударить) dar (pegar, descargar, encajar) un golpe

‘долбануть’ сов.прост. dar (asestar) un golpe

‘жахнуть’ однокр., вин.п., прост. golpear vt (con fuerza)

Русско-испанский словарь Л.Мартинес Кальво 1985 года предлагает следующие варианты тех же статей:

‘стукнуть’ V. (fam.) dar un golpe (con ruido); (pop.) (de un golpe. disparo) matar, herir; llamar (a la puerta, etc.); sonar (al golpear, chocar, etc.); (fam.) llegar venir (tiempo); cumplir (años, etc.)

‘шарахнуть’ (asp.perf.), (rég. чем). golpear con violencia.

‘долбануть’ (asp.perf.) dar, asestar un golpe violento, un empujón.

‘жахать’ (asp.imp.). (pop.) golpear violentamente, con fuerza.

Русско-испанский словарь Х.Ногейра и Г.Туровер 1974 года:

‘стукнуть’ сов., В. 1. asestar un golpe, pegar vt; ~ кулаком по столу dar un puñetazo en la mesa; 2. (в дверь, в окно и т.п.) llamar vi (a la puerta, a la ventana, etc.); 3. (издать стук) hacer ruido, rechinar vi; ~ла калитка la puertecilla rechinó; 4. Разг. (наступить о времени) llegar vi; ему ~ло пятьдесят лет le cayeron los cincuenta, tiene cincuenta años cumplidos.

‘шарахнуть’ сов. и однокр. Прост. В., Т. (ударить) dar (pegar, descargar, encajar) un golpe; 2. (выстрелить) disparar vt; 3. См. шарахнуться.

‘долбануть’ – вариант отсутствует.

‘жахать’ несов., ‘жахнуть’ однокр., В., груб. golpear vt (con fuerza).

Большой русско-испанский словарь Ершовой Е.С., Москва, Дом славянской книги, 2015.

‘стукнуть’ 1) asestar un golpe, pegar vt; ~ кулаком по столу dar un puñetazo en la mesa; 2) (издать стук) hacer ruido, rechinar vi; 3) (в дверь, в окно и т.п.) llamar vi (a la puerta, a la ventana, etc.); 4) прост. Dar el chivatazo; 5) разг. (наступить – о времени) llegar vi.

Универсальный русско-испанский словарь с грамматическим приложением Н.А. Ладомирского и А.В. Иванова издательства Вече, Москва, 2014.

‘стукнуть’ dar un golpe; golpear V absol.

Русско-испанский словарь издательства Вако, Москва, 2014.

‘стукнуть’ golpear.

Современный русско-испанский словарь с грамматическими приложениями, Лада, Москва-Киев, 2016.

‘стукнуть’ (издать стук) hacer ruido; ударить pegar, llamar.

Русско-испанский словарь Harper Collins, Глазго, 2013.

‘стукнуть’ v dar un golpe, llamar (golpear).

Следующие словари вообще не предлагают никаких вариантов:

Русско-испанский словарь сленга М.К. Дадашян издательства Живой язык, Москва, 2014;

Русско-испанский словарь А. Винокурова, Мартин, Москва, 2014;

Современный русско-испанский словарь грамматики издательства Айрис Пресс, Москва 2015;

Русско-испанский словарь Е.Е. Платонова, Аст, Москва 2012, 2013 и 2015 гг.

За редким исключением словари предлагают не перевод, а толкование слова, зачастую не соответствующее искомому стилю (разговорный, фамильярный). Не предлагаются ни общеиспанские варианты (по крайней мере, варианты, понятные большей части испаноязычных), как то: dar un achuchón, castañazo, coñazo, ahostiar, agolpiar, aporrear, arrear, cascar, etc., ни национальные или диалектные: dar un jiracazo (Мех.; Am.C.), dar un bollo (Ven.), cachimbear (Islas Can., Am.C.), crugir (Esp.), coñacear (Ven.), chancar (Perú) и т. п.

При всех недостатках, существующих на данный момент русско-испанских словарей, специализированных словарей экспрессивной лексики и/или русско-испанских фразеологических словарей практически не существует.

Большая часть существующих двуязычных словарей, включающих русский язык, которые в какой-то мере предлагают экспрессивную лексику, являются испано-русскими, а не русско-испанским. Таким образом,

пользователю, находящемуся в поисках нужного эквивалента на испанском языке, изначально предлагается отталкиваться от испанского языка, то есть, искать то, чего он не знает.

Например, русскоязычный пользователь словаря, ищет испанское соответствие русскому устойчивому выражению *как на Маланьину свадьбу*. Он обращается, соответственно, к словарным статьям «Маланья» и «свадьба», но ничего не находит. Если бы он обратился к статьям «Самачо» или «boda», возможно, он нашёл бы выражение *las bodas de Samacho*, но чтобы это сделать, необходимо знать испанскую пословицу. Однако если пословица уже известна, то незачем искать её в словаре.

Ещё более сложная ситуация наблюдается с испанскими устойчивыми выражениями, не имеющими аналогов в русском языке. Такие выражения практически невозможно найти в испанско-русском словаре. Ведь принимая решение об использовании того или иного слова или устойчивого выражения, говорящему очень сложно преодолеть свою собственную языковую картину мира, отключиться от своего языкового мышления, языковых клише, свойственных его родному языку или национальному варианту в рамках одного языка. Так русскоговорящий привык использовать определенные выражения в эмоциональной речи, ему мало поможет испано-русский фразеологический словарь, предлагающий использовать следующие выражения:

Si ves las barbas de tu vecino cortar, pon las tuyas a remojar – Эта идиома используется в ситуации, когда следует ждать неминуемых проблем, аналог русскому «*скоро и до нас доберутся*».

Или *A la de Dios, que es grande...* – *необдуманно, легкомысленно*.

Русскоязычный человек, говоря по-испански, не всегда испытывает потребность в использовании подобных экспрессивных фразеологизмов. Он ищет другое, он хочет сказать по-испански с аналогичной эмоциональностью близкие его фразеологической модели мира выражения:

нелёгкая несет; чёрта лысого я тебе дам; делать большие глаза; от большого ума; взять на карандаш и тысячи других.

Даже если русскоговорящий очень хорошо владеет испанским языком, живёт или работает в странах испанского языка, с большой долей вероятности у него время от времени будет возникать потребность строить фразы, исходя из собственной русской языковой картины. (То же происходит с носителем испанского языка в процессе межкультурной коммуникации.)

Возникает необходимость правильно сориентировать русскоговорящего в богатстве испанской разговорной речи, через родной язык подвести его к использованию испанских разговорных выражений, ввести в языковой мир другого языка, поначалу отталкиваясь от картины мира русского языка. Эта задача требует наличия современного русско-испанского словаря разговорной речи и фразеологизмов.

Следующая проблема существующих русскоязычных глоссариев и словников заключается в отсутствии каких-либо географических помет, например:

Pendejo sust. Трус, придурок, недоумок. Jorge es un pendejo. Хорхе – недоумок [Дадашян, 2014: 98].

Cipote sust. Настоящий мужик, хрен. Pepe es un cipote. Пене – настоящий мужик [Дадашян, 2014: 40].

Cogerle el gusto a algo. Пристраститься к чему-либо. Cogerle el gusto a videojuegos. Я пристрастился к видеоиграм [Электронный словарь АВВУ, 2011].

Русско-испанский словарь сленга М.К. Дадашян, хотя и анонсируется, как полезный инструмент для тех, кто «часто посещает Испанию и страны Латинской Америки» [Дадашян, 2014: 5], на самом деле, за редкими исключениями (кстати, в основном не отмеченными географическими пометами), отражает сленг испанцев. По большей части эти лексические и фразеологические единицы будут малопонятны или вообще непонятны

жителям Латинской Америки, не говоря уже о том, что словарь цитирует, но не фиксирует стилистические несоответствия, существующие между вариантами испанского языка разных стран.

Немногие существующие русско-испанские глоссарии и словники часто излишне увлекаются обценной, нецензурной лексикой, содержат массу стилистических ошибок:

'ni-ть' гл. *decir* Да не *ni...u!* - ¡*No me digas!* [Дадашян, 2014: 184].

И, наконец, если в существующих испанско-русских словарях общего назначения или словарях фразеологизмов довольно широко отражаются лексемы и фразеологические единицы, относящиеся к национальным вариантам испанского языка, то в русско-испанских словарях они практически отсутствуют.

Широкое использование фразеологизмов и стилистически окрашенных лексем в качестве одного из наиболее распространенных способов интенсификации речи в испанском языке может серьёзно затруднить межкультурную коммуникацию, особенно если в ней принимают участие люди, для которых испанский язык не является родным. Для преодоления этих сложностей необходимы русско-испанские словари разговорной лексики, предлагающие наиболее точный и стилистически соответствующий вариант перевода русских лексем и фразеологизмов на испанский язык. Представленные в них лексические и фразеологические единицы должны по возможности быть проиллюстрированы примерами, а отдельные лексемы – связанными с ними фразеологизмами и устойчивыми выражениями. Словарные статьи в большинстве случаев должны сопровождаться стилистическими и географическими пометами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дадашян М.К. Русско-испанский словарь сленга. М.: Живой язык, 2014. 223 с.

2. Дадашян М.К. Испанско-русский и русско-испанский словарь сленга. М.: Живой язык, 2014. 223 с.
3. Ершова Е.С. Большой русско-испанский словарь. М.: Дом славянской книги, 2015. 928 с.
4. Иовенко В.А. Национальное мировидение в переводческом измерении. М.: МГИМО-Университет, 2013. 218 с.
5. Кальво Мартинес Л. Русско-испанский словарь. Барселона, 1985, 960 с.
6. Ладомирский Н.А., Иванов А.В. Универсальный русско-испанский словарь с грамматическим приложением. М.: Вече, 2014. 688 с.
7. Левинтович Э.И. и др. Испанско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1985. 1078 с.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). СПб: Искусство-СПБ, 2000. 701 с.
9. Мед Н.Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. 235 с.
10. Ногейра Х., Туровер Г. Русско-испанский словарь. М.: Русский язык, 1974. 974 с.
11. Платонов Е.Е. Русско-испанский словарь. М.: Аст, 2012. 637 с.; 2013, 832 с.; 2015, 352с.
12. Русско-испанский словарь Harper Collins, Глазго, 2013. 498 с.
13. Русско-испанский словарь. М.: Вако, 2014. 736 с.
14. Русско-испанский словарь. М.: Мартин, 2014. 411 с.
15. Современный русско-испанский словарь грамматики издательства. М.: Айрис Пресс, 2015. 690 с.
16. Современный русско-испанский словарь с грамматическими приложениями. Москва-Киев: Лада, 2016. 768 с.
17. Электронный русско-испанский и испано-русский словарь АВВУУ, 2011.

18. Электронный словарь жаргона испанского языка [Электронный ресурс]. URL: www.tubabel.com (дата обращения: 06.05.2016)

19. Diccionario fraseológico documentado del español actual (locuciones y modismos españoles). Madrid: Aguilar, 2004. 1120 p.

20. González Aguiar M.ª I. La fraseología regional del español. // Revista de Filología de la Universidad de La Laguna (Homenaje al Dr.D.Antonio Lorenzo Ramos) 25, 2007. P. 235–247.

21. Luis Junceda Diccionario de refranes. Madrid: Espasa calpe, 1996. 598 p.

22. Seco M., Andrés O., Ramos G. Diccionario fraseológico documentado del español actual. Locuciones y modismos españoles. Madrid: Aguilar, 2004. 1084 p.

Паниотова Т.С.

ТОМАС МОР И ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению влияния творчества и жизненного пути Томаса Мора на испанскую культуру и ее выдающихся деятелей. Центральное место в статье занимает анализ воздействия главного произведения Т.Мора – «Утопии» – на формирование испанской утопической традиции. Доказывается, что вопреки устоявшемуся мнению утопический жанр в Испании, начиная с эпохи Возрождения, развивался и был представлен многочисленными именами и разнообразными формами.

Ключевые слова: утопия, Томас Мор, испанская литература, Инка Гарсиласо де ла Вега, Синатия.

Abstract: The article considers the impact of Thomas More's art and life on the Spanish culture and its prominent figures. It focuses on the analysis of the impact of the main Thomas More's work – «Utopia» – on the Spanish utopian tradition. The author proves, contrary to the popular belief, that since the Renaissance, the utopian genre in Spain has been developing and has been represented by numerous names and various forms.

Keywords: utopia, Thomas More, Spanish literature, Inca Garcilaso de La Vega, Sinapia.

Тема, вынесенная в заглавие статьи, в первую очередь касается воздействия на испанскую литературу и – шире – культуру главного произведения великого английского гуманиста, философа, политика, юриста Томаса Мора – «Утопии», 500-летний юбилей которой в 2016 году широко отмечался во всем мире, включая Испанию и страны Латинской Америки. Многочисленные подражатели и последователи Мора на протяжении столетий создавали свои произведения о наилучшем общественном устройстве, воплощая самые смелые мечты. Испания не была исключением из общего правила, хотя до недавнего времени (фактически до находки С. Кро анонимной «Синапии» в 1974 г.) считалось, что в испанской литературе не было произведений, которые с уверенностью можно было бы отнести к утопическому жанру. Отсутствие текстов, адекватных утопической парадигме, заставляло исследователей задуматься над причинами и искать объяснение сложившейся ситуации. Его находили в удаленности страны от Англии, в отсутствии испанских переводов с латыни, на которой было написано произведение, в разворачивании Контрреформации и инквизиции. Также обращалось внимание на исключительно практическую направленность утопических поисков испанцев в Новом Свете, которые как бы компенсировали недостаток теоретических наработок в этой области. Другие авторы сосредоточили свои усилия на поиске элементов утопии в произведениях, которые не являлись утопиями в собственном смысле этого слова, а также на выявлении других аспектов влияния Мора на испанскую культуру.

Цель настоящей статьи – показать, что творчество Т. Мора оказало существенное влияние на испанскую литературу, причем это касается не только трудов, соответствующих классическим канонам утопического жанра, но и теологических, художественных произведений, к нему не принадлежащих.

Прежде всего необходимо вспомнить, что «Утопия» была переведена на испанский язык значительно позже, чем на другие европейские языки.

Вполне вероятно, что критика Мором священнослужителей и монахов, содержащаяся в первой части произведения, а также религиозная терпимость, о которой идет речь во второй части книги, рождали у теологов и власти определенные опасения. Вызывали подозрение и другие идеи книги: отсутствие классов, всеобщий труд, презрительное отношение к золоту и деньгам, демократические выборы всех уровней, завершая верховным правителем, который вообще мог быть смещен в случае превращения в тирана.

Однако несмотря на это в Индексе запрещенных книг, опубликованном в 1559 году, «Утопии» нет и, возможно, потому, что ее автор был католическим мучеником, приговоренным к смерти, в конечном счете, за противодействие отделению английской церкви от римского престола. Однако в предисловии к Каталогу запрещенных книг 1583 г., вышедшем в разгар Контрреформации, отмечалось, что книги некоторых «очень известных и набожных персон», среди которых назван Томас Мор, вполне могли бы быть в него включены. И действительно, год спустя в «Index librorum expurgatorum», появились различные фрагменты «Утопии», относящиеся в основном к религиозным вопросам. Опасения инквизиторов были небезосновательны: «Утопия» открывала дорогу критической рефлексии на существующее положение дел, на порочную действительность, способствовала формированию идеальных образов равенства, справедливости, мира и религиозной терпимости, которые при определенных условиях могли стать реальностью. Да и сам Мор в письме к Эразму Роттердамскому от 4 декабря 1516 года писал, что республика Утопия имеет не меньше прав на существование, чем существующие королевства.

Только после того, как иезуит Педро де Рибаденейро вознес хвалу Мору как католическому мученику, какие-либо подозрения относительно «Утопии» исчезли из Индексов запрещенных книг 1620 и 1623 гг., и в 1637 году Иероним Антонио де Менденилья, губернатор Кордовы, опубликовал свой перевод «Утопии» на испанский язык. Менденилья не был

профессиональным переводчиком: вдохновленный чтением «Утопии» и прислушавшись к советам Франсиско де Кеведо, он осуществил перевод своей настольной книги, следуя скорее «духу, а не слову автора», поскольку полагал, что ее чтение будет полезно и простым гражданам, и правителям. При этом Менденилья ограничился переводом только второй части книги, опустив первую, критическую часть.

Однако многие просвещенные испанцы познакомились с «Утопией» задолго до выхода испанского перевода. Среди конкистадоров и миссионеров было немало тех, кто вез с собой в Америку вместе с Библией и «Градом Божьим» Августина также «Утопию» Мора, ведь в ней видели нечто большее, чем просто объект развлечения гуманистов. Как отмечал Франсиско Лопес Эстрада, «Утопия» нередко воспринималась как политическая программа, которая при благоприятных обстоятельствах могла стать реальностью. Среди отправлявшихся в Новый Свет были не только люди, алчущие золота, но и те, кто вдохновлялся идеей создания нового общества на земле, где историю можно начать с нуля. Самым ярким примером в этом отношении служит творчество Васко де Кироги, который в своей работе «*Información en derecho*» (1535) прямо указывал на Мора как на вдохновителя его деятельности по созданию народных приютов.

Современник Васко де Кироги Хуан Мальдонадо, хронист движения комунерос, около 1532 г. приступил к редактированию «*Somnium*» – произведения с явным утопическим содержанием. Два мира, представленные автором, находятся за границами Испании. Один – мир Луны, другой – мир Нового Света. Используя в качестве формы утопии сон, он ведет рассказ о том, как, уснув, он переместился в звездное пространство, сопровождаемый явившейся ему Марией дель Рохас, пока не достиг Луны. Это, вероятно, аллюзия текста Мора, придавшего острову Утопия форму полумесяца, но одновременно это и выход воображения за обычные рамки. В лунном краю правят король и королева; здесь царят добродетель, согласие, мир, гармония и божественный закон. Мальдонадо рисует цветущую страну с множеством

ухоженных садов и полей. В городах с чистыми улицами, площадями с фонтанами живут веселые и беззаботные люди. Это перевернутый мир, который несколько напоминает мир утопии английского канцлера, но без его рационализма, особенно в части, касающейся политики.

Оставив Луну, путешественник возвращается на землю, причем оказывается в Новом Свете. У ворот города его встречает старец, провожает его к священникам, которых Мальдонадо просит рассказать о стране, в которой он оказался. Из их рассказа он узнает, что много лет назад город был основан испанцами, потерпевшими кораблекрушение. Руководствуясь уроками учителей-испанцев, местные жители усовершенствовали свои институты и обычаи, создали формы жизни и правления более достойные человека и по своей сути более свободные и гуманные. Желая посмотреть и другие города, путешественник отправляется на берег, садится на корабль, однако терпит кораблекрушение, тонет, а затем в холодном поту просыпается в том же месте, где и заснул.

Две утопии Мальдонадо – это два варианта выхода за пределы печальной современной реальности и создания альтернативного сценария чудесного, хотя и экзотического утопического мира. При этом Мальдонадо использует различные формы утопии: сон и фантастическое путешествие. Они позволяют автору (и его читателям) преодолеть разочарование, порожденное крушением идеалов восстания коммунаров (1520–1522) и каролингского мессианизма, а также напомнить о евангельских заповедях и преодолеть вражду между христианами, столь осуждаемую другом Мора Эразмом Роттердамским.

Когда уже истекало утопическое время имперского мессианизма, Альфонсо де Вальдес в 1528–29 гг. познакомил читателей со своими мечтами о республике, альтернативной современным ему католическим королевствам, в которых люди будут жить по законам первоначального христианства. В таком государстве хороший король Полидор послужит образцом

христианского суверена, который будет править по законам мира, гармонии, справедливости, неся закон Христа всем нациям.

В свою очередь, Франсиско де Кеведо помимо автографов на полях личного экземпляра «Утопии», судя по которым Кеведо вне всякого сомнения симпатизирует английскому канцлеру, оставил краткое свидетельство знакомства с книгой Мора в «Письме к Луи XIII», появившемся двумя годами ранее первого испанского перевода «Утопии». Это письмо, благодаря стилю и личности автора, имело ошеломительный успех, и в течение короткого периода времени было переиздано семь раз, а вместе с ним – и полторы страницы своеобразного «резюме» книги Мора.

Не существует никаких достоверных свидетельств о знакомстве с «Утопией» Т. Мора другого и, пожалуй, еще более знаменитого представителя культуры Возрождения Инки Гарсиласо де ла Веги. Однако вряд ли этот европейски образованный человек мог пропустить книгу, которой зачитывалась вся Европа. Сам он вместе с информацией о заморских странах принес в Испанию ростки идей, оказавших существенное влияние на формирование утопической мечты об идеальном обществе. Речь идет о книге Гарсиласо «Подлинные комментарии, рассказывающие о происхождении инков, которые были королями Перу, об их идолопоклонстве, законах и правлении на войне и в мире; об их жизни и завоеваниях и обо всем том, чем была та империя и их государство до того, как пришли в нее испанцы», которая увидела свет в Лиссабоне в 1609 году, и только в 1723 книга была переиздана в Мадриде. Можно говорить о присутствии в этой книге ретроспективной утопии, поскольку в ней воссоздан образ совершенного общества, оставшегося в прошлом.

Гарсиласо описывает идеальное, по его мнению общественное устройство инков, главным видом деятельности в котором является сельское хозяйство, а основной экономической, социальной и культурной ячейкой община – айлью. Община организует распределение земельных участков, их обработку, обеспечивает своих граждан всем необходимым, осуществляет

контроль за тем, чтоб не было ни чрезмерного богатства, ни крайней бедности. В общине «все имели то, что было необходимо для человеческой жизни из еды, одежды и обуви, чтобы никто не мог назвать себя бедняком или просить милостыню; ибо того и другого они имели в достаточном количестве, словно они были богатыми; в том же, что касалось излишеств, они были беднейшими...» [Инка Гарсиласо де ла Вега, 1974: 285].

Каждому индейцу выделялся участок – тупу – продукции с которого хватало для пропитания одного женатого общинника, не имеющего детей. При росте населения в общине происходило перераспределение земель. Вся земля делилась на три части: одна часть принадлежала верховному божеству – Солнцу, другая – правителю, третья – общине. Земля обрабатывалась в определенной последовательности: сначала – земли Солнца, затем – земли вдов, сирот, стариков, больных, а также солдат, занятых ведением военных действий. Все они приравнивались к беднякам. И только по завершении обработки земель бедняков можно было приступить к обработке своего участка земли. Земли правителя обрабатывались всеми сообща и в последнюю очередь. Обработка земли и сбор урожая с земель Солнца и инки были главной сельскохозяйственной податью индейцев, наряду с которой существовала и другая, ремесленная, подать. Она заключалась в изготовлении одежды, обуви и оружия. Каждая провинция или семья специализировалась на том или ином продукте и отдавала часть произведенного в качестве налога.

А как была организована система власти? Высшим коллегиальным органом империи инков был «Королевский совет», куда входили только чистокровные инки. Второй по значению была должность «князя, говорящего за Инку» (сам верховный правитель молчал). Затем следовали «вице-короли» и «делегаты инки», представлявшие местную знать. Все эти чиновники относились, условно говоря, к законодательно-исполнительной ветви власти. Другая группа чиновников обладала «судебно-исполнительными функциями», в том числе функцией осуществления

надзора за соблюдением законов. Наконец, существовала низшая категория чиновников, трудившихся на местах – декурионы. Для наилучшего управления все население империи делилось на административные единицы – декурии. В декуриях из каждых 10 человек одного назначали декурионом, и он руководил девятью остальными, неся полную ответственность за свое подразделение. Пять десятков образовывали декурию из 50 человек, две последних – декурию из 100 человек. Были также декурии из 500 и 1000 человек. Все декурионы находились в подчинении «один у другого, младшие у старших». Кроме того, как пишет Гарсиласо, в каждом из четырех округов, на которые была поделена империя, «Инка имел советы войны, правосудия, имущества. Эти советы имели для каждого министерства своих министров с подчинением младших старшим...» [Инка Гарсиласо де ла Вега, 1974: 106].

Особое восхищение у Гарсиласо вызывают законы государства инков и практика их исполнения рядовыми гражданами. Так, существовал Закон братства, который предписывал гражданам помогать друг другу при обработке земель, строительстве жилищ без какой-либо платы. «Домашний» закон предписывал, чтобы все трудились, и никто не пребывал в праздности: даже пятилетние дети были заняты работами, хотя и очень легкими; специальные виды работ подбирались для слепых, хромых и немых. Существовали и весьма экстравагантные законы, например, закон, предписывающий обедать и ужинать при открытых дверях, дабы судебские исполнители могли беспрепятственно посещать любой дом. Гарсиласо отмечает, что законы инков были очень строгими, ведь за большинство правонарушений, даже незначительных, предусматривалась смертная казнь. Каждый человек с детства обучался тем видам деятельности, в плодах которой он мог нуждаться в течение всей жизни: все то, в чем они нуждались для себя и для дома, они все обучались делать сами и сами всем обеспечивали себя.

В Тиуантинсуйу бракосочетания заключались организованно, под контролем государства, и повсеместно один или два раза в год. Был установлен брачный возраст: для девушек – от 18 до 20 лет, для юношей – от 24 лет, чтобы «брак не превращался в ребячество». Подбор будущих пар происходил всенародно, в присутствии верховных властей.

Таким образом, Гарсиласо не только передал последующим поколениям интереснейшие свидетельства о государстве инков, империи Тиуантинсуйу, осмысление которых потребует усилий не одного поколения историков; как писатель он подарил миру великолепный образец художественной культуры эпохи Возрождения, выдающееся произведение ибероамериканской литературы. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы вписать его имя в золотой фонд мировой культуры. Но Гарсиласо пошел дальше. Он создал утопию. Утопия Гарсиласо принадлежит к категории ретроспективных, для которых характерны поиски идеала в более или менее далеком прошлом. Гарсиласо создал привлекательный образ Другого, воплотившийся в утопии, оказавшей существенное влияние на многие поколения латиноамериканских и европейских мыслителей.

Фернандо де Эррера (1534–1597) более известен читателю как поэт испанского золотого века, последователь Ф.Петрарки, стоящий между Инкой Гарсиласо де ла Вегой и Луисом Гонгорой. Его поэтический талант высоко ценили Лопе де Вега и Сервантес. Но у Эрреры помимо стихов есть две исторические работы, и одна из них посвящена Томасу Мору. Примечательно, что эта работа была написана в 1592 году, т.е. спустя всего четыре года после гибели Непобедимой Армады. В ней Эррера характеризует английскую нацию как «достоинейшую», несмотря на правление короля – еретика. И как самого достойного среди всех англичан он выделяет Томаса Мора, лорд-канцлера, мученика и защитника католической Церкви. Эррера пишет биографию, которую правильнее было бы назвать *memorable*. В *memorable* по словам Андре Холлеса, сквозь призму лингвистико-литературного процесса «мы видим, как история неуклонно идет вперед,

уплотняясь и затвердевая в определенные моменты. «Ток истории» как бы сворачивается и, свернувшись, воплощается в литературной форме». По мнению С. Нейместера, на примере биографии Томаса Мора, и прежде всего таких судьбоносных событий, как арест, суд и казнь лорд- канцлера, Эррера прослеживает всю историю Англии с начала XVI века. Поэтому написанная Эррерой биография может показаться иногда излишне подробной, иногда излишне общей, но, по сути, она занимает промежуточное положение между историографией и агиографией, располагая события жизни главного героя в порядке, напоминающем театр трагедии. В ней исторические факты сочетаются с длинными нравственными комментариями, что придает специфические черты художественному тексту, который не покидая почвы эстетики, призывает читателя к подражанию мученику. Историография и литература еще раз раскрываются как близкие до духу феномены.

В эпоху Просвещения утопизм превращается в один из решающих факторов: наряду с распространением иностранных утопий появляются и собственные. Среди них заслуживают внимания «Приключения Хуана Луиса» Диего Вентуры Рексона; «Эусебио» Монтегона, «Эвдомонопейя» Траггиа. Наконец, появляется «Синапия» с явными следами влияния идей Мора, Кампанеллы и Бекона и интенсивной пропедевтической направленностью и еще одна утопия – «Трактат о колумбийской монархии», которая занимает особое место внутри утопической традиции, противопоставляя политическим декларациям просветителей гуманистическое и религиозное содержание.

Обнаружение и публикация в 1974 году рукописи неизвестного испанского автора под названием «Описание Синапии, полуострова, расположенного в Южной земле» стало еще одним доказательством влияния Т. Мора на ибероамериканскую литературу. Первое же знакомство с манускриптом убедило исследователей, что «кем бы ни был автор «Синапии», его рукой водил Томас Мор» [Lopez Estrada, 1980: 107].

О том, что аноним был хорошо знаком с текстом «Утопии», свидетельствует наличие в Синапии многих порядков, свойственных этому идеальному государству. Среди них: шестичасовой рабочий день, чередование сельскохозяйственного и ремесленного труда, использование рабов для выполнения неприятных и тяжелых работ, и др. Как и Мор, анонимный автор Синапии вдохновлялся идеями христианского гуманизма, который объединил многих великих утопистов Ренессанса. Это, в частности, касается веры в предрасположенность «доброе дикаря» к восприятию христианства и созданию совершенного общества.

Религиозные и политические идеи, высказанные в Синапии, положения об образовании, содержащиеся в «Рассуждении об образовании» и «Аннотации», переведенных «*Journal des Scavans*», позволяют нам утверждать, что автор был предтечей испанского Просвещения.

Повествование начинается с завязки, типичной для произведений утопического жанра. Аноним утверждает, что им был найден древний манускрипт, написанный голландским мореплавателем Авелем Тасманом (1603–1659) и переведенный на французский язык. В нем описан полуостров Синапия (анаграмма от Испании), название которого происходит от имени его завоевателя – персидского принца Синапа. Синапия – это полуостров, который на юге граничит с Лагосом (анаграмма от Галос) и Мерганосом (анаграмма от Германос), а именно французы и немцы являлись северными соседями Испании. Синапия имеет такие же географические очертания, как и Испания, но поскольку является антиподом последней, то и горы, соответствующие Пиренеям, находятся здесь на Юге. До прибытия принца Синапа полуостров назывался Биреиа (анаграмма от Иберии). Тот факт, что Синапия – это анаграмма Испании, а Биреиа – Иберии, подтверждает намерение автора предложить способ борьбы с испанским упадком в виде описания страны, которая во всех отношениях – в географическом, социальном, политическом и религиозном – является антиподом Испании. В заключении своего труда автор переходит от иносказаний к прямому

осуждению Испании своего времени, утверждая, что Синапия – это «полнейшая противоположность нашей Испании», ведь ее народ мирный, трудолюбивый и прекрасно поддается управлению.

В Синапии не существует противоположности богатства и бедности, здесь нет бродяг и нищих, огромной армии солдат, священников и бесчисленных бездельников из аристократии и привилегированных слоев. В Синапии нет частной собственности. Народ Синапии довольствовался малым: он производил только тот минимум товаров и продуктов, который способен удовлетворить первичные жизненные потребности. Всякого рода излишества и предметы роскоши порицались. Это имело большое значение для блага государства, поскольку исключало социальную несправедливость.

Политическая структура Синапии выборно-аристократическая. Принц наделен максимальной властью, но его должность является выборной. Выбор принца осуществляется из пяти кандидатов, выдвигаемых в результате голосования магистратами низшего порядка, «отцами деревни». Абсолютно все гражданские, военные или религиозные органы избираются по одному принципу: всегда предлагается пять кандидатур и поэтапно число претендентов сокращается до двух, из которых сенат или принц останавливают свой выбор на одном, наиболее достойном. Следовательно, кандидатуры выдвигаются нижестоящими и избираются вышестоящими лицами, и на должности назначаются «по предложению тех, кто должен повиноваться, и выбору тех, кто должен повелевать». Религиозная, военная и судебные ветви власти разделены, и ни один прелат или солдат не может быть избран в магистраты. Избирательная система гарантирует, что все органы гражданской и религиозной власти участвуют в выборах в высшую магистратуру, хотя конечное решение остается за Сенатом.

Основное внимание автора «Синапии» уделено такой сфере деятельности, как образование. Система образования – это определяющий элемент, который утверждает в Синапии счастье. Все граждане участвуют в образовательном процессе – от членов семьи до принца. Как утверждает

автор, образование у синапийцев преследует двойную цель: во-первых, сформировать у людей правильные суждения и хорошие обычаи, и во-вторых, направить их помыслы к изучению искусств и различных ремесел.

Кандидаты на занятие тех или иных должностей должны готовиться к столь ответственной работе с ранней юности, получая знания в специализированных семинариях. Строгая дисциплина и четкие различия поддерживаются между юридическими, военными и религиозными школами. Никто не может быть избран на должность, которая не соответствует его образованию и специализации.

Сфера семейно-брачных отношений находится под контролем государства. Браки оформляются исключительно священниками, но лишь в том случае, если родители жениха и невесты пришли к согласию. Согласно автору утопии, строгая мораль Синапии представляет заметный контраст морали Испании и Европы того времени.

Очевидно, что автор Синапии использовал при создании своего произведения различные источники: «Государство» Платона, «Город Солнца» Кампанеллы, «Новую Атлантиду» Бэкона, труды Эразма, и особенно «Утопию» Томаса Мора. У Платона и Мора аноним позаимствовал идею радикального преобразования общества на началах общественной собственности, у Эразма – мысль о необходимости обновления христианства, у Бэкона – идею христианского государства.

Влияние модели Мора прослеживается с самого начала: Синап – принц Синапии, также как Утоп – король Утопии. Аноним приближается к модели Мора и в том, что касается социальной организации совершенного государства. Здесь, как и в Утопии, семья – основная ячейка общества. Семья синапийцев выступает противовесом поляризации социальной системы. Аграрная и промышленная организация базируются на семейном союзе. Семья является основой политического единства, т.к. только отец семейства может быть избран в магистратуру. Как и в Утопии, семья строго моногамна и устойчиво патриархальна, и дети воспитываются в семье, в то время как в

«Государстве» Платона индивидуальной семьи нет, а дети воспитываются обществом. Синапийцы, как и утопийцы, отрицают войну и осуждают насилие. «Синапия», также как «Утопия» Мора или «Государство» Платона с их идеями упразднения частной собственности и денег, предполагают радикальную реформу социальной и политической структуры общества.

Канадский историк С. Кро высказал предположение, что «Синапия» была написана не позднее 1682 года. Другую версию предложил испанский ученый М. Авилес Фернандес. Он полагал, что «Синапия» появилась в конце XVIII в. Существует также точка зрения, относящая рождение «Синапии» к началу XVIII в. Так или иначе, Синапия принадлежит к тому этапу в развитии утопической мысли, который Е. Шацкий и В. Волгин называли рационалистическим. Этот документ большого исторического значения, занимает важное место в переходе испано-латиноамериканской культуры от христианского гуманизма к идеологическому просветительскому обновлению XVIII века.

Среди утопических произведений эпохи Просвещения следует выделить еще одно произведение: «Рассказ о Колонизации, Законах, Формах правления и Обычаях Цезарей, народа Южной Америки, содержащийся в восьми письмах, посланных мистером Ван дер Неком, одним из Сенаторов данной народности своему другу в Голландию с примечаниями издателя» (1764). Нельзя однозначно утверждать, что Джеймс Бургх, выступающий как автор данного текста, является историческим лицом, возможно, это псевдоним; равно как неизвестно, кто скрывается за именем Ван дер Нек – реальный человек или вымышленный персонаж, подобный Рафаилу Гитлодею. Но тот факт, что краткий пересказ этой истории мы находим в работе Франсиско де Кеведо «Los de Chile y los honlandeses» и в некоторых других источниках, а об авторе и адресате практически ничего неизвестно, позволяет предположить, что мы имеем дело с псевдонимом, под которым скрывается европейски образованный человек, возможно, испанского

происхождения. Во всяком случае, ему хорошо знакомы реалии Нового Света, и мифы, сопровождавшие конкисту.

Уже в самом названии произведения присутствуют основные признаки просвещенческой рационалистической утопии: использование терминов «законы», «формы правления»; обращение к чрезвычайно модному тогда эпистолярному жанру. Идет переключка с «Персидскими письмами» Шарля Монтескье и «Марокканскими письмами» Хосе Кадалсо. В еще большей степени «знамения времени» чувствуются в содержании произведения: при обосновании своего проекта автор отсылает нас к «Утопии» Мора, «Комментариям» Инки Гарсиласо де ла Веги, трудам греко-латинских авторов, дневникам путешествий; не гнушается он и анонимными источниками. Чувствуется знакомство с идеями современника и соотечественника Бургха – Дж.Уинстенли, идеолога и вождя движения диггеров. Кроме того, автор хорошо знаком с реалиями европейской жизни, исторической фактурой. Он остро подмечает и то, что в Англии огромные помещичьи земли остаются необработанными, в то время как простой народ страдает от безземелья, и то, что в кальвинистской Женеве «не сочувствуют нищим», и то, что преследования протестантов герцогом Альбой в Голландии отличаются особой жестокостью, и многое другое.

И весь этот обширный материал посредством тщательной обработки превращается в проект, который преследует цель, хорошо знакомую нам со времен Т. Мора: противопоставить несовершенным порядкам современной Англии (и шире – Европы) некое идеальное общественное состояние, в котором уже осуществлен должный образ жизни где-то на краю известного нам мира. Да и сам Бургх пишет: «Возможно кто-то из моих читателей рассказа о «Цезарях» станет рассматривать ее как подобие утопии Мора, так сказать как форму выражения того, какой бы честный человек хотел бы видеть свою Нацию» [Burgh, 1963: 15].

При этом Бургх, как и его знаменитый предшественник, прибегает к различного рода мистификациям. Так, в духе утопической традиции

местоположение счастливого города обнаружить невозможно. Поскольку по принятому здесь закону каждый, кто укажет путь к городу, неминуемо будет изобличен как заслуживающий осуждения предатель, постольку мы должны принять на веру, что «...действительно существует народ, называемый Цезарями, проживающий в стране возле огромных гор Андского хребта, в Южной Америке, между Чили и Патагонией, между 43 и 44 градусами южной широты». [Burgh, 1963: 15–16] Противоречива информация и об основателях города: по одной версии – это испанские моряки с пропавшей в Магеллановом проливе в 1540 году эскадры епископа Пласенсии. По другой – голландцы, потерпевшие крушение в проливе или у берегов Патагонии.

«Рассказ» строится по всем канонам утопического жанра. В качестве формы утопии избраны письма. Вначале автор фиксирует внимание на «ужасах войны», неравномерном распределении земель, в результате чего добрые христиане в Европе живут не имея «ни дюйма земли, хотя там же находятся акры заброшенных и необрабатываемых земель». «Тревоги и бедность стали судьбой жителей самых христианских наций», – констатирует Бургх. И все потому, что богачи, руководствуясь эгоистическими соображениями, захватили в частную собственность большую и наилучшую часть земель, оставив народу жалкие крохи. Несправедливость нарастает, и недостаточно ограничиться ее обличением. Раз в Европе перемены невозможны, остается единственный выход – эмигрировать.

Бургх ставит задачу спасти хотя бы несколько честных, благородных и трудолюбивых семей, пребывающих в крайней бедности, найдя «страну, отдаленную и изолированную от традиционных торговых путей, потому что хотя товарообмен с другими нациями может дать нам известные преимущества, мы опасаемся возможных последствий, поскольку торговля приводит к роскоши и обычаям, которые противоположны нашим намерениям» [Burgh, 1963: 25]. Рассуждая подобным образом Бургх, по сути, повторяет доводы греко-латинских авторов против финикийских и

карфагенских мореплавателей, на которых возлагается вина за конец Золотого века.

С этими намерениями группа голландских крестьян решила отправиться на «один из островов великого южного океана. Возможно, на остров Хуана Фернандеса, который представляет собой «приятное место с умеренным климатом», расположенное к тому же «на значительном расстоянии от континента» [Burgh, 1963: 36]. В силу непредвиденных обстоятельств путешественники не достигли поставленной цели и оказались «в отдаленном и затерянном месте западной части Патагонии, где и основали свою колонию в месте плодородном, со здоровым климатом и хорошо защищенном.

Город «окружен с трех сторон высокими вулканическими каменными утесами и горами, и еще одна граница проходит по полноводной реке, которая большую часть года подобна стремнине, так что переправа через нее трудна и опасна. Климат здесь умеренный, почвы плодородные и облик страны очень приятный» [Burgh, 1963: 94–95]. Столица называется Салем, так же, как и в английской пуританской колонии в Северной Америке. Город построен в форме квадрата, омывается рекой, чистые воды которой по каналам, проложенным по главным улицам, текут в город. Детали города являются знаковыми для утопического жанра: «дома простые и опрятные, и все одной постройки и формы, что придает однообразие улицам»; все дома имеют внутренний дворик или сад, одних и тех же размеров, земельные участки площадью от 35 до 50 акров, в зависимости от плодородия почвы» [Там же].

В последующих письмах Бургх описывает форму правления в городе Цезарей. Верховным правителем является губернатор, власть которого хотя и передается по наследству, но не является абсолютной: она ограничена избираемым гражданами Сенатом. Детально описываются гражданское состояние, протестантская религия, обычаи, образ жизни и даже питание. Счастье Города Цезарей базируется на отсутствии таких пороков, как зависть

и тщеславие, проистекающих из неравенства. Никто в городе Цезарей не может увеличивать свое достояние и накапливать богатства. Порок и праздность осуждаются и, напротив, трудолюбие «является модой». Эти добродетели гарантируются, как ни странно, отсутствием благородных металлов и всяких внешних признаков богатства. Рефреном через все произведение проходит идея: «О, счастливая Родина, основанная на принципах разума, добра и равенства и ведомая ими по праведному пути! Здесь уравнительное распределение земли и умеренная часть ее выделенная каждому; здесь отсутствует мировая торговля, изгнаны гордость, тщеславие и роскошь, и напротив, упрочиваются умеренность и мастерство. Здесь все довольны, веселы духом, ублажаются изобилием и свободой, наслаждаются выгодами спокойной жизни и плодами своего собственного труда» [Burgh, 1963: 107]. И, наконец, сам собой напрашивается вывод: «Как счастливо было бы человечество, если бы законодательство Цезарей было воспринято всеми!» [Там же]

Подводя итог рассмотрению утопии, представленной в «Рассказе» Джеймса Бургха, следует отметить, что она является одной из разновидностей классической модели утопии со всеми присущими ей чертами: изоляция, урбанизм, мелочная регламентация и т. п. О том же свидетельствует присутствие двух неразрывно связанных частей – критики существующего строя и общественного идеала. Конкретно-историческое своеобразие утопии проступает в этнографическом колорите, а также в наличии деталей, позволяющих даже без соответствующих отсылок реконструировать облик эпохи, ее породившей. Утопия, несомненно, воплощает идеалы культуры Просвещения: веру в Разум, Добро, Равенство и справедливое правление. Ей присуще характерное для произведений этого времени морализаторство в ущерб, скажем, калокагатии. Прослеживаются в утопии и такие черты, как идеализация протестантской «трудоу этики», умеренности, переходящей в аскетизм. Вместе с тем, многие черты утопии Цезарей указывают и на историческую преемственность, а именно на

архаические истоки эгалитаризма, который был воспринят ренессансной утопией вместе с мифом о Золотом Веке, залогом счастливой жизни, в котором была возведенная в абсолют простота и отсутствие связей с внешним миром.

Наряду с подобными текстами, написанными по законам утопического жанра, особое место принадлежит так называемым «утопическим вкраплениям» в тексты художественных произведений, близких ренессансной народной культуре. В первую очередь здесь следует вспомнить бурлескное описание острова Баратария в «Дон Кихоте» Сервантеса. Это описание имеет явные отсылки к «Утопии» Мора, в особенности в вопросах достижения социального равенства, воспевания свободы и отмены праздных увеселений. Пожалуй, самым большим диссонансом народным утопиям «сытости» или материального изобилия является то, что Санчо никак не может удовлетворить чувство голода, насытиться.

Таким образом, «Утопия» Т. Мора оказала заметное влияние на испанскую литературу. Именно поэтому целые пласты утопических идей можно обнаружить в текстах, не являющихся утопиями. Что же касается собственно утопического жанра, то можно согласиться с Мариано Бакеро: следует говорить не о дефиците утопий в испанской культуре, а о том, что еще не все они попали в орбиту научного исследования и многие тексты еще пылятся в архивах [Baquero Goyanes. URL: <http://goo.gl/K6ttFY>]. Особо следует отметить, что масштаб личности Томаса Мора был в полной мере понят и по заслугам оценен видными испанскими мыслителями, видевшими в английском мыслителе достойный пример для подражания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков. Серия Литературные памятники. Л.: Наука, 1974. 752 с.

2. Baquero Goyanes M. Realismo y utopia en la literatura espanola [Электронный ресурс]. URL: <http://goo.gl/K6ttFY> (дата обращения: 16.09.2016).
3. Burgh J. Un relato de Colonizacion, de las Leyes, Formas de Gobierno y Costumbres de los Cesares, de un pueblo de Sudamerica, contenido en nueve cartas, enviadas por Mr.Vander Neck, uno de los Senadores de dicha Nacion, a un amigo de Holanda, con nota del editor. Santiago, Chile: Centro de Investigaciones de Historia Americana. Universidad de Chile, 1963.
4. Cro S. Sinapia, el Viejo Testamento y la teocracia cristiana. / АИИ (1995) Actas XII, 1995. P.130–136.
5. Francisco Lopez E. Tomas Moro y Espana: Sus Relaciones Hasta el Siglo XVIII. Madrid: Complutense, 1980. 119 p.
6. Neumeister S. La utopia moral de un héroe político-cristiano: El Tomás Moro de Fernando de Herrera / Literatura, Sociedad y politica en el Siglo de Oro. Barcelona / Gerona 21–24 de octubre de 2009 Eugenia Fosalba Carlos Vaíllo (eds) Universitat Autònoma de Barcelona Servei de Publicacions Bellaterra, 2010. P.147–158.

Позднякова Е.Ю.

ЭРГОНИМЫ ИСПАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Аннотация: В статье затрагивается вопрос о происхождении и функционировании коммерческих эргонимов в языковом пространстве современного города. Наиболее распространенным способом создания коммерческой эргонимии является заимствование. Выбор языка-источника заимствования зависит во многом от специфики деятельности данного учреждения. Испанизмы среди данной группы онимов не являются частотными, однако встречаются среди наименований предприятий ресторанной сферы, названий магазинов и салонов одежды (преимущественно женской), а также названий предприятий гостиничной сферы.

Ключевые слова: языковое пространство города, имена собственные, городской ономастикон, коммерческие эргонимы, заимствования из испанского языка.

Abstract: The article deals with the problem of origin and functioning of the commercial ergonyms in the language space of a modern city. Borrowing is the most frequently used method of forming such ergonyms. The choice of the source language of the borrowing depends largely on the specifics of the activities of the institution. Hispanicisms in this group of proper names are not frequent, but they are found among the names of restaurants, shops, clothing stores (mainly female ones), and hotels.

Keywords: language space of a city; proper names; city onomastics; commercial ergonyms; borrowings from the Spanish language.

Языковое пространство современного города насыщено разнообразными наименованиями городских объектов. Официальные и неофициальные номинации, с одной стороны, активно используются горожанами в качестве ориентиров, с другой стороны – формируют своеобразное языковое пространство города. Совокупность наименований (искусственных и естественных), отражающих основные особенности городского рельефа, ландшафта города и прилегающих территорий, специфику городского населения, процесса заселения городских территорий и в целом истории города, образует городской ономастикон (в другой терминологии – городское ономастическое пространство).

Городские наименования функционируют в языковом пространстве города и образуют фрагмент языковой картины мира горожанина. Особое место в городском ономастиконе занимают искусственные наименования, среди которых наиболее разработаны исследователями эргонимы [Емельянова, 2007; Трифонова, 2006; Шимкевич, 2002, Щербакова 2009], эргоурбонимы [Козлов, 2000; Вайрах, 2011], эмпоронимы (наименования магазинов), ойкодомонимы (названия учреждений культуры, бытового обслуживания и торговли) [Астафьева, 1996]. Названия деловых объединений, «созданных для осуществления деятельности, направленной на получение прибыли и обычно вступающих в конкурентные отношения с другими аналогичными объединениями», объединяют под термином коммерческий эргоним [Шимкевич, 2002: 4]. Более широкое определение эргонима дает в своем диссертационном исследовании Е.А. Трифонова: «Под

эргонимом понимается собственное имя любого делового объекта независимо от его правового статуса и наличия/отсутствия места постоянной дислокации (промышленного предприятия, общественной и политической организации, творческого коллектива, фирмы, компании и т. п.), которое искусственно создается именуемым субъектом с целью прагматического воздействия на адресата» [Трифорова, 2006: 5].

Коммерческая эргонимия представлена в городском пространстве наименованиями различных туристических фирм, предприятий гостиничного и ресторанного сервиса, предприятий сферы обслуживания (парикмахерских, салонов красоты, спа-центров, центров отдыха, саун и др.), наименованиями магазинов, торговых центров и торгово-развлекательных комплексов, кинотеатров, предприятий отдыха и досуга и пр. Специфика данной группы наименований проявляется еще и в том, что они являются не только эрго-, но и топообъектами, частями городского пространства. «Эта двойственность объекта номинации заставляет рассматривать названия локализованных коммерческих предприятий как особый разряд имен собственных» [Козлов, 2000: 6].

Наши наблюдения над данной группой собственных имен позволяют утверждать, что среди способов создания наименований коммерческих предприятий наиболее распространенными являются следующие:

1) заимствование из другого языка (*ресторан Velvet, ресторан Иероглиф, ресторан Асадор, ресторан Афродита, ресторан Астория, кофейня Coffee, ресторан Хмели-сунели, кафе быстрого питания Шаверма, кафе Данаи и др.*);

2) образование нового слова на базе русского языка, в том числе:

а) аббревиация (например, в названиях турфирм *ТКА – Трэвел, СК-тур*);

б) словосложение (*турфирма Сибтурсервис*);

в) аффиксация (*кафе Смешарики, кафе-бар Теремок*) и др.;

3) использование нарицательного (либо собственного) имени, функционирующего в данном языке (трансонимизация или апеллятивация) (*закусочная Жар-птица, пекарня Три пирога, стейк-паб Ленинград, кафе Лучезарное, кафе Осень, кафе Горница, кафе Бочка, кафе Лукошко, кафе Забава, кафе Подсолнух и др.*);

4) образная номинация (турфирмы *Оранжевый пингвин, Оранжевое лето и др.*).

Е. А. Трифонова, анализируя названия деловых объектов в русском и английском языках, отмечает в качестве основных способов номинации, практически равномерно представленных в русской и английской эргонимии, следующие: «лексико-синтаксический, лексико-семантический (трансонимизация и апеллятивация), словообразовательный (аббревиация, словосложение и аффиксация), фонетический и комплексный» [Трифонова, 2006: 8], однако в данной классификации не учтен один из самых распространенных на сегодняшний день способов образования эргонимов – заимствование.

Излюбленным способом создания коммерческой эргонимии в настоящее время остается заимствование. Заимствование ведется из различных языков, при этом выбор языка-источника заимствования зависит во многом от специфики деятельности данного учреждения, например, наименования предприятий ресторанной сферы зачастую связаны с ориентацией на конкретного потребителя и отражают особенности кухни ресторана или кафе (русская, европейская, итальянская, мексиканская, кастильская, японская, кавказская, узбекская, уйгурская и пр.), что свидетельствует в том числе и о существовании некоей зависимости между заимствованием слова и типом значения, которое оно призвано выражать. Соответственно, наименования данной группы коммерческих предприятий (эдонимы) представлены заимствованиями из итальянского, испанского, японского, английского, французского, турецкого, армянского, узбекского и др. языков. Многие из этих наименований на вывесках сохраняют свой

первоначальный орфографический облик – для их написания используется латиница, ср.: *Casanova* (ресторан), *Carrusino* (кафе), *Cinnabon* (кофейня), *Velvet* (ресторан), *Rancho-Poncho* (кафе мексиканской кухни) и др.

Однако не всегда иноязычное слово заимствуется из языка-донора целиком. Зачатую в составе эргонимов можно встретить лишь отдельные иноязычные элементы – суффиксоиды, корни слов, артикли, предлоги и т. п., например, название ресторана *Шашлыкoff*, бар *Пивkoff*, детский центр развлечений *The дети* и др. Для обозначения подобных лексических единиц представляется более подходящим термин «эргоним иноязычного происхождения», под которым понимается «любое слово или словосочетание, образующее городскую номинацию и имеющее в своем составе мотивированный иноязычный элемент» [Самсонова, 2012: 237]. В соответствии с данным определением, к подобным лексическим единицам относятся как транслитерированные иноязычные вкрапления, так и номинации, образованные с помощью заимствованных элементов – суффиксоидов, частей слов, предлогов, артиклей, амперсандов. Исходя из широкого понимания термина «иноязычная лексика», идущего от работ Л. П. Крысина [Крысин, 2004], эргонимами иноязычного происхождения являются также лексические единицы, прошедшие стадии ассимиляции в русском языке и зафиксированные в словарях иностранных слов. Такая широкая трактовка понятия иноязычная лексика существенно расширяет круг эргонимов, которые становится возможным причислить к группе эргонимов иноязычного происхождения.

Остановимся подробнее на наименованиях коммерческих предприятий, представляющих собой заимствования из испанского языка. Среди коммерческой эргонимии г. Барнаула наибольшее количество заимствований из испанского используется для следующих групп наименований:

- 1) названия предприятий ресторанной сферы (эдонимы),
- 2) названия магазинов и салонов одежды (эмпоронимы).

В исследуемой группе эргонимов названия предприятий гостиничной сферы испанского происхождения представлены единичным примером – *гостиничный комплекс «Шоколад»*.

Среди названий предприятий ресторанной сферы (эдонимов), выделяются следующие заимствования из испанского языка: *кафе «Тортилла»*; *кофейня «Шоколадница»*; *кафе мексиканской кухни «Rancho-Roncho»*; *стейк-бар «Торро-стейк»* (исп. – ‘бык’); *кафе-бар «Мохито»* (исп. – ‘напиток’, ‘коктейль’); *кафе «Болеро»* (исп. – испанский народный танец); *кафе «Каравелла»* (исп. – легкие суда в Испании, Португалии, Франции); *ресторан кастильской кухни «Асадор»* (исп. – ‘вертел’, ‘решетка’); *клуб-бар «Che Guevara»* (имя латиноамериканского революционера аргентинского происхождения); *бар «Чао Какао»*; *ресторан «Il patio»* (исп. – ‘открытый внутренний дворик’).

Названия магазинов и салонов одежды (эмпоронимы) испанского происхождения представлены следующими примерами: *салон свадебного и вечернего платья «Инфанта»* (титул принцесс королевских домов Испании); *салон женской одежды «Болеро»* (исп. – 1. испанский народный танец; 2. род женской одежды); *магазин женской одежды «Эстрелла»* (исп. – ‘звезда’); *салон женской одежды «Bonanza»* (исп. – ‘процветание’); *салон женской одежды «Senorí»* (исп. – обращение к женщине в Испании); *магазин женской одежды «Tap-Go»* (танго – аргентинский народный танец); *«Vanita» – магазин женской одежды* (bonita – исп. – ‘красивый’); *магазин одежды «Segnora»* (исп. – обращение к женщине в Испании); *магазин женской одежды «Bonita»* (исп. – ‘красивый’); *магазин женской верхней одежды «Fiesta»* (исп. – традиционный народный праздник); *салон мужской одежды «Кавалер»* (дворянский титул в Испании и Италии в средние века); *салон верхней одежды «Барселона»* (город в Испании).

Таким образом, в языковом пространстве современного города функционируют разнообразные эргонимы, представленные как исконной лексикой, так и заимствованиями из разных языков. Анализ языкового

материала позволяет утверждать, что наиболее распространенным способом создания коммерческой эргонимии на сегодняшний день является заимствование. Заимствование ведется из различных языков, при этом выбор языка-источника заимствования зависит во многом от специфики деятельности данного учреждения. Все коммерческие эргонимы, образованные при помощи данного способа, объединяются нами под термином «эргоним иноязычного происхождения», поскольку не всегда иноязычное слово заимствуется из языка-донора целиком. Испанизмы среди данной группы онимов не являются частотными, однако встречаются среди наименований предприятий ресторанной сферы, названий магазинов и салонов одежды (преимущественно женской), а также названий предприятий гостиничной сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьева И.А. Способы номинаций в речевой ситуации города: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 1996. 19 с.
2. Вайрах Ю.В. Эргоурбонимия города Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Иркутск, 2011. 22 с.
3. Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Уфа, 2007. 23 с.
4. Козлов Р.И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2000. 151 с.
5. Крысин Л.П. Русское слово: свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 884 с.

6. Самсонова Е.С. Концепция системы эргонимов иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города // Вестник науки Сибири. 2012. № 4 (5). С.236–240.

7. Трифонова Е.А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале русских и английских эргонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2006. 18 с.

8. Шимкевич Н.В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2002. 22 с.

9. Щербакова Т.В. Искусственная номинация коммерческих предприятий (на материале тюменских наименований): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тюмень, 2009. 23 с.

Привалихина Е.С.

**СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ
КУЛИНАРНЫХ РЕАЛИТИ-ШОУ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОЙ ПЕРЕДАЧИ «MASTERCHEF»
И РУССКОЙ ПЕРЕДАЧИ «МАСТЕРШЕФ»)**

Аннотация: В статье изучаются стратегии и тактики речевого поведения участников кулинарных реалити-шоу. Кратко рассмотрены все термины от дискурса до речевой тактики и приведены примеры кооперативных и конфликтных стратегий с детальным анализом лексических средств.

Ключевые слова: дискурс, телевизионный дискурс, речевое поведение, реалити-шоу, стратегии и тактики.

Abstract: The article deals with the strategies and tactics of verbal behavior of the culinary reality shows participants. All the terms from discourse to verbal tactics are examined. The examples for cooperative and conflict strategies with the detailed analysis of the lexical means are given.

Keywords: discourse, television discourse, verbal behavior, reality-show, strategies and tactics.

Жанр реалити-шоу впервые появился в России в 2001 году (проект «За стеклом»). Сейчас он стал одним из популярных телевизионных жанров не только в России, но и за рубежом. Возможность выявления специфики речевого поведения современников, прагматического осмысления его лингвистических параметров объясняет актуальность исследования.

Лингвистический энциклопедический словарь определяет дискурс (от франц. Discourse – ‘речь’) как связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погружённая в жизнь» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990].

С одной стороны, в дискурсе большую роль играет прагматическая ситуация, которая привлекается для определения связности дискурса, его коммуникативной адекватности, для выяснения его импликаций и пресуппозиций, для его интерпретации. С другой стороны, также много внимания уделяется ментальным процессам участников коммуникации, т. е. таким правилам и стратегиям создания и понимания речи, которые обусловлены этнографическими, психологическими и социокультурными особенностями коммуникантов при тех или иных условиях.

Вслед за В. И. Карасиком мы различаем персональный и институциональный дискурсы. Персональный дискурс – дискурс, реализуемый конкретной личностью, представляющей свои интересы. Институциональный дискурс – дискурс, который всегда находится в некоторой коммуникативной среде, создаётся коммуникантами в определённой социальной сфере коммуникации, например, в политике, в религии, в шоу-бизнесе, на производстве или в педагогике и т. д. [Карасик, 2000: 6–7].

Наиболее интересным для данного исследования оказался телевизионный дискурс (ТД): это «телевизионная речь в ситуации социального взаимодействия телекоммуникатора и телеаудитории, представляет собой макросистему, в которой воплощается коммуникация весьма обширного круга людей, обладающих различными социальными, возрастными, профессиональными, территориальными и культурными характеристиками» [Ларина, 2006: 166].

Приведённое выше определение не единственное, существует множество трактовок ТД, так, например, Б. Гройс считает, что телевизионный дискурс нужно рассматривать как феномен, конституирующим элементом которого является не только коммуникативная интенция говорящего, но и средство коммуникации, а именно телевидение [Гройс, 2006: 79].

О. Деверо (E. Devereux) говорит о двойственной природе ТД, так как с одной стороны, он должен быть не предвзят в подаче политических новостей, интервью и дискуссий. С другой стороны, ТД обязан принимать во внимание возможную аудиторию со всеми её особенностями и характеристиками и уметь подстраиваться под них [Devereux, 2007].

ТД интересен нам тем, что зритель никогда не получает «чистого» сообщения говорящего. ТД – это своеобразный результат работы людей (операторов, редакторов, сценаристов), трудившихся над конечным вариантом рекламы, новостей, шоу, фильма, которые должны выйти в эфир.

Классификация, которую предложила Е.Г. Ларина, разделяет жанры ТД на три группы:

1) по тематике: теленовости, фильм на ТВ (драма, комедия, ужасы, детектив и т. д.), телесериал; телеинтервью; телереклама (политическая, коммерческая, анонс); телешоу (ток-шоу, реалити-шоу); телеигра, телевикторина и т. д.

2) по композиции: монологический тип (теленовости, телеобзор, телегороскоп); диалогический тип (ток-шоу, реалити-шоу, телеигра).

3) по стилистике: официальная, публичная, подготовленная речь (прочтение текста диктором); неофициальная, разговорная, спонтанная речь (запись скрытой камерой общения участников реалити-шоу) [Ларина, 2006: 167].

Выделение публичного и разговорного жанров телевизионного дискурса условно: в настоящее время телевизионные передачи стремятся перестроить свою речь, придать ей более спонтанный характер, а многие передачи выходят в эфир без редактирования речи.

Одним из жанров телевизионного дискурса является реалити-шоу – «такой жанр телевизионной практики, который имеет в своей основе непрерывную съемку фактических (подлинных, имеющих место быть) событий, происходящих с людьми в режиме реального времени» [Гуцал, 2009: 180].

Главной целью реалити-шоу является развлечение аудитории и её вовлечение в сам процесс шоу (возможность стать участником, гостем, проголосовать за понравившийся вариант т.д.).

Н. Лоренсо Дус (N. Lorenzo Dus) и П. Гарсес Конехос (P. Garcés Conejos) утверждают, что концепт агрессии является одним из самых репрезентативных для реалити-шоу [Lorenzo-Dus, 2009]. М. Беднарек (M. Bednarek) также пишет, что эмоциональный фон реалити-шоу зачастую негативен, однако, изучая дискурс участников австралийского кулинарного шоу «MasterChef», заключает, что кулинарные шоу имеют более подбадривающие и поддерживающие эмоциональные характеристики [Bednarek, 2010].

Жанр реалити-шоу привлекателен для исследования тем, что демонстрирует зрителю стиль жизни, манеру поведения людей в определенных ситуациях, а также потому что речь участников реалити-шоу не скоординирована и воплощает настоящее, повседневное общение людей в реальных ситуациях.

Определив сущность понятия «реалити-шоу», остановимся на коммуникативном поведении участников. Под коммуникативным поведением будем понимать «поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума» [Прохоров, Стернин, 2006: 42]. Коммуникативное поведение игроков реалити-шоу является неофициальным, межличностным, бытовым, отражает поведение людей, типичное для реальных ситуаций.

В процессе общения участники и ведущие реалити-шоу в разных ситуациях реализуют те или иные речевые стратегии и тактики. О. С. Иссерс понимает под коммуникативной стратегией «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана... комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 2008: 54]. Одним из основных свойств стратегий является их гибкость. Понятие речевой тактики О. С. Иссерс трактует как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс, 2008: 110].

Существует множество типологий речевых стратегий и тактик, однако в своем исследовании мы будем опираться на классификацию коммуникативных стратегий и тактик, разработанную А. В. Ланских.

1. Кооперативные стратегии и тактики: 1) стратегия солидаризации: тактика совета, призыва к совместному действию, уверения; 2) стратегия искренности: тактика признания, обещания, самокритики; 3) стратегия повышения статуса КП: тактика похвалы, комплимента, выражения заинтересованности; 4) стратегия самопрезентации: тактика самохарактеризации, понижения собственного статуса, самоиронии; 5) стратегия создания позитивной тональности общения: тактика шутки, позитивной констатации [Ланских, 2008: 74–82].

2. Конфликтные стратегии и тактики: 1) стратегия понижения статуса КП: тактика обвинения, осуждения, обличения; 2) стратегия

самопрезентации: тактика демонстрации собственной правоты, личного превосходства; 3) тактика приказа, угрозы, замечания; 4) стратегия коммуникативного противостояния: тактика выражения несогласия, дистанцирования; 5) стратегия создания негативной тональности общения: тактика выражения отрицательного эмоционального состояния, негативной констатации [Ланских, 2008: 124–138].

Выявленные высказывания и диалоги служат примерами для коммуникативных стратегий и тактик, которые были проанализированы по следующей схеме:

Пример диалога или высказывания → название тактики → расшифровка тактики → способы языкового выражения.

Анализ показал, что стратегии, зафиксированные в испанских и русских программах, аналогичны, поэтому определение той или иной стратегии мы будем давать однократно.

Участниками испанского кулинарного шоу «MasterChef» были использованы нижеследующие кооперативные стратегии и тактики.

1. Стратегия солидаризации – демонстрация близости, общности, единодушия с коммуникативным партнёром (КП).

MILA: A ver si nos vamos a... (Посмотрим, если мы...)

*VÍCTOR: ...Tienes tiempo, **no te pongas nerviosa** (...У тебя есть время, **не нервничай**) [1].*

MILA: Es que yo no he hecho nada todavía (Я просто ещё ничего не сделала).

*VÍCTOR: Yo **tampoco** (Я тоже) [2].*

1) Тактика совета: пожелание КП как поступить наилучшим способом (некатегоричный императив, доброжелательная интонация); 2) тактика присоединения к мнению КП: выражение солидарности с КП (лексические маркеры: yo tampoco).

2. Стратегия искренности – демонстрация особого, доверительного статуса межличностных отношений коммуникантов.

RAQUEL: Lo siento, la verdad es que caracolas de estas las tengo en casa encima de una estantería (Извините, правда в том, что такие ракушки лежат у меня дома на полке).

Тактика признания: говорящий раскрывает персональную информацию о себе (лексический маркер «la verdad es que»).

3. Стратегия повышения статуса коммуникативного партнёра – самокоррекция «Я-темы» в пользу речевого «Я» собеседника.

JORDI: Pablo, el arroz está increíble. Te ha salido muy bien (Пабло, рис невероятен. У тебя очень хорошо получилось).

Тактика похвалы: одобрительная оценка действий, поступков, продуктов деятельности КП (лексические маркеры – *te ha salido bien*; наречия положительной коннотации – *increíble*).

4. Стратегия самопрезентации – моделирование образа говорящего.

ANDREA: Como yo soy un poco previsora, he hecho un poco de todo (Так как я немного предусмотрительна, я сделала всего по чуть-чуть).

Тактика самохарактеризации: говорящий акцентирует внимание на своей жизненной позиции, личных качествах (лексические маркеры – *yo soy...*).

5. Стратегия создания позитивной тональности общения – создание позитивной тональности общения.

QUIQUE: ¿Te vas a comer los 15? (Ты собираешь съесть все 15?)

PEPE: Sí (Да).

QUIQUE: Tienes pinta (Хороший у тебя аппетит).

Тактика шутки: говорящий шутит по поводу, не оскорбляющему личности КП (устойчивое выражение, смех, улыбка).

Конфликтное общение между участниками испанского кулинарного реалити-шоу «MasterChef» протекало в различных стратегиях и тактиках. Приведём некоторые из них.

1. Стратегия понижения статуса коммуникативного партнёра – создание негативно концепции личности КП.

MIREIA: He empezado por aquí, mero en salsa. Con salsa de verduras y con carabineros (Я начала с этого, окунь в соусе. С соусом из овощей и с красными креветками).

JORDI: Tenías que haber empezado por sacar el intestino del bicho. Hay que quitarlo (Ты должна была начать с удаления внутренностей креветки. Надо избавляться от этого).

Тактика упрёка: замечание говорящего о том, как КП должен был поступить (лексический маркер – *tenías que*).

2. Стратегия самопрезентации – моделирование образа говорящего.

MILA: Por mi experiencia de ama de casa, cómo no voy a cocinar bien [1]. El punto del mero seguro que está estupendo [2]. Posiblemente sea el único que esté estupendo [1] (С моим-то опытом домохозяйки, как это я не буду хорошо готовить [1]. Окунь, уверена, что замечательный [2]. Возможно, это единственное, что замечательно [1]).

1) Тактика демонстрации личного превосходства: характеристика говорящим своих действий, продуктов своей деятельности как самых правильных, самых удачных (акцентирование своих достижений; превосходная (*el único*) степень прилагательного; лексические маркеры «*estupendo*»); 2) тактика выражения уверенности: говорящий выражает уверенность в себе, в своём поведении, в продуктах своей деятельности (лексические маркеры – *seguro que...*).

3. Стратегия доминирования говорящего – доминирование говорящего: несанкционированное присвоение доминирующей роли.

PEPE: ¿Sabes cómo se llaman estas caracolas? (Знаешь, как называются эти ракушки?)

RAQUEL: No (Нет).

QUIQUE: Se llaman cañailas, no hay que engañarlas como a los caracoles. Tardan unos 20 minutos en cocer sea fuego muy lento (Они называются каньяйлас, не надо путать их с ракушками. Их нужно варить 20 минут на медленном огне).

Тактика демонстрации знаний: говорящий сообщает нечто, что КП не знает (обычно реплика с тактикой демонстрацией знаний следует после того, как говорящий убедился, что его КП не сведущ в том или ином вопросе).

4. Стратегия коммуникативного противостояния – противопоставление своего и чужого коммуникативного пространств.

JORDI: Pablito. (Паблито – уменьшительно-ласкательное от Pablo)

PABLO: ¿Qué tal, Jordi? (Как дела, Йорди?)

JORDI: Me gusta mucho más cuando me llamas chef. (Мне больше нравится, когда ты зовёшь меня шеф).

Тактика неприятия речевой манеры: выражение говорящим предпочтений о речевом коде КП (лексический маркер – *me gusta cuando llamas...*).

5. Стратегия создания негативной тональности общения – создание негативной тональности общения.

FIDEL: ¡No! Fatal (Нет! Провал).

PRESENTADORA: Aspirantes, imposible superar y muy difícil igualar (Конкурсанты, невозможно превзойти и очень сложно соответствовать).

Тактика негативной констатации: отрицательная оценка внешней ситуации, не КП (слова отрицательной семантики).

Участники русского кулинарного реалити-шоу «МастерШеф» реализуют кооперативное общение за счёт различных кооперативных стратегий и тактик. Приведём некоторые из них.

1. Стратегия солидаризации

МИРКО: Неплохо.

ЮЛИЯ: Спасибо.

МИРКО: Спасибо.

ЮЛИЯ: Спасибо, что оценили по достоинству. Я старалась.

Тактика благодарения: говорящий выражает благодарность КП (лексический маркер – *спасибо, что...*).

2. Стратегия искренности

МАРИЯ: Я надеюсь взять не оригинальностью в этом блюде, а просто стабильно качественным приготовлением, просто чтобы оно хотя бы было сделано, там, без технических ошибок.

Тактика выражения надежды на лучшее: говорящий выражает надежду на лучшее расположение дел (конструкция *Я надеюсь*).

3. Стратегия самопрезентации

ДЕНИС (участник): Я не считаю, что я выложился по максимуму и добился стопроцентного результата.

Тактика самокритики: говорящий отрицательно интерпретирует себя, свои действия, продукты своей деятельности (конструкции: *Мне кажется, У меня, Я считаю* + критика).

4. Стратегия повышения статуса КП

*АРКАДИЙ: Оль, на самом деле, у вас было сложное блюдо, потому что вы взяли мою не сильно любимую свинину и приготовили её так, что мне хотелось ещё отрезать кусочек, положить туда ваш лук, который вы приготовили. Она была **очень вкусная** [1]. **Вы молодец** [1], вы сделали это **очень профессионально, красиво, аккуратно и очень деликатно** [2]. **Молодец** [1]!*

ОЛЯ: Спасибо!

1) Тактика похвалы: одобрительная оценка действий, поступков, продуктов деятельности КП (лексический маркер – *молодец*; наречия положительной коннотации – *очень вкусно*); 2) тактика комплимента: выражение говорящим нечто хорошего о КП (установка на образность, использование риторических приёмов, средств выразительности – эпитеты *профессионально, красиво, аккуратно, деликатно*).

5. Стратегия создания позитивной тональности общения

ЮЛИЯ: О-о-о, я так обрадовалась! Это прям, прям знаете, такой огромный камень с плеч упал. Я думаю: ура! Вот я молодец!

Тактика выражения положительного эмоционального состояния: говорящий демонстрирует, что испытывает позитивные эмоции

(восклицательная форма предложения, междометия, лексемы, выражающие положительные эмоции (радость)).

Реализацию участниками русского кулинарного реалити-шоу «МастерШеф» конфликтного общения отражают следующие выявленные нами стратегии и тактики.

1. Стратегия понижения статуса КП

ДЕНИС (судья): Как ты думаешь, у тебя вообще хватит время для того, чтобы эти ноги приготовить?

ОЛЯ: Ну, конечно, я их обжарила в начале.

*ДЕНИС (судья): Ну, вот я не уверен [1]. И у тебя просто **настоящий бардак!** [2] Ты дома тоже так готовишь?*

ОЛЯ: Нет.

1) Тактика выражения сомнения: выражение неуверенности в правильности действий КП (лексические маркеры: *я не уверен, я так не думаю*); 2) тактика упрёка: указание на неправильность действий КП (краткое восклицательное высказывание, содержащее язвительный комментарий по поводу действий КП).

2. Стратегия самопрезентации

*ЕЛЕНА: У меня фирменный суп – щи. **Фирменный!** Я его делаю как бог!*

Тактика демонстрации личного превосходства: характеристика говорящим своих действий, продуктов своей деятельности как самых правильных, самых удачных (приём сопоставления: *как бог*, лексические маркеры: *фирменный, бог*).

3. Стратегия доминирования говорящего

МИРКО: Лучшие, чем гаспачо, да?

КИРИЛЛ: Да.

*МИРКО: **Уверены?***

КИРИЛЛ: Уверен. Я попробовал.

Тактика запроса уверенности: говорящий задаёт вопрос с целью заставить КП усомниться в правильности своих действий (вопросительная форма высказывания, лексический маркер – *уверен/а?*).

4. Стратегия коммуникативного противостояния

ДЕНИС (судья): Да я вас умоляю! [1] Вот здесь есть участники, которые с этой задачей справились [2]. Такой хороший продукт, премиальный практически [3], грудка. Она должна быть сочная, розовая внутри.

1) Тактика выражения несогласия: говорящий отрицает слова КП (грамматическое отрицание); 2) тактика приведения в пример: говорящий приводит образцово-показательный пример из жизни, противоречащий поведению КП (конструкция *есть участники, которые...*); 3) Тактика похвалы: говорящий хвалит продукт с целью заставить КП почувствовать вину за неправильное обращение с продуктом (прилагательные с положительным лексическим значением: *хороший, премиальный*).

5. Стратегия создания негативной тональности общения

ЕЛЕНА: Знаете этот звук? Это было ужасно.

Тактика негативной констатации: отрицательная оценка внешней ситуации, не КП (слово отрицательной семантики – *ужасно*).

В ходе анализа было замечено, что кооперативные и конфликтные стратегии, выявленные в коммуникативном поведении испанских и русских участников кулинарных шоу, в целом совпадают, однако набор тактик, репрезентирующих эти стратегии, может существенно различаться.

Одна и та же тактика может быть представлена в разных стратегиях, что говорит как о динамичном и переходном характере самой тактики, так и о сложной и многоаспектной сущности речевого поведения игроков реалити-шоу.

Кооперативное общение испанских и русских участников реалити-шоу характеризуется большим разнообразием тактик (всего было выявлено 35 кооперативных тактик) в отличие от конфликтного общения, в котором нами

было выявлено 26 тактик. Можно заключить, что установка игроков реалити-шоу на создание согласия и единодушия с КП требует от них затраты больших коммуникативных усилий и использования большего количества методов нежели в конфликтном общении.

Также проведенный анализ показал продуктивность как кооперативной стратегии солидаризации, так и конфликтных стратегий доминирования говорящего и коммуникативного противостояния и в русском, и в испанском речевом поведении.

Данное исследование имеет перспективы. Изучение коммуникативного поведения участников реалити-шоу может быть продолжено с точки зрения описания его национально-культурной специфики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гройс Б. Под подозрением. М.: Художественный журнал. 2007. 199 с.
2. Гуцал Е.А. Реалити-шоу: некоторые аспекты типологии // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 1/2 (62). С.179–184.
3. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения: 20.04.16).
4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
5. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
6. Ланских А.В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2008. 183 с.

7. Ларина Е.Г. Телевизионный дискурс и его жанровое разнообразие // Вестник ВолГУ. Сер. 2. 2006. № 5. С. 166–168.
8. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 193 с.
9. Bednarek M. The Language of Fictional Television, Drama and Identity. London/New York: Continuum, 2010. 274 p.
10. Devereux E. Media Studies: Key Issues and Debates. London: Sage Publications Ltd, 2007. 416 p.
11. Lorenzo-Dus N. «You're barking mad, I'm out»: impoliteness and broadcast talk // Politeness Res. 2009. № 5. P. 159–187.

Сковпень Л.Ю.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ИСПАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ О ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ В СИРИИ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению прецедентных феноменов и их прагматических функций в испанском медиадискурсе о военном конфликте в Сирии (с 2001 г. до наших дней). В работе представлены типы прецедентных феноменов в испанском медиадискурсе о военном конфликте в Сирии и их анализ. Исследование может быть интересно журналистам или специалистам по медиадискурсу для изучения дополнительных возможностей усиления воздействия медиадискурса на адресата.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прагматические функции, медиадискурс, военный конфликт в Сирии, типы прецедентных феноменов.

Abstract: The article discusses the precedent phenomena and their pragmatic functions in the Spanish media discourse devoted to the Syrian Civil War (from 2011 until present). Types of precedent phenomena are presented. The analysis of the precedent phenomena in the Spanish media discourse devoted to the Syrian Civil War is given. Journalists or specialists in the media discourse might find the research interesting in order to study the new ways of increasing the influence of the media discourse on people.

Keywords: precedent phenomenon, pragmatic functions, media discourse, Syrian Civil War, types of precedent phenomena.

Цель исследования: выявить прагматические функции прецедентных феноменов в испанском медиадискурсе, посвященном проблемам сирийского конфликта.

Актуальность исследования: в настоящее время значительная часть культурного содержания того или иного общества актуализируется в медиадискурсе, одним из средств реализации культурного содержания являются прецедентные феномены. Анализ прецедентных феноменов представляется актуальным, так как данные единицы обладают высоким прагматическим потенциалом и являются средством изучения группового и национального сознания, определяемого культурой, поэтому также актуальным является выявление именно тех прецедентных феноменов, восходящих к испанской культуре, которые используются в связи с определенной тематикой.

В перспективе планируется сопоставить собранный материал с материалом, представленным в русском медиадискурсе при освещении данной темы (Сирийского конфликта). Помимо этого, планируется провести ассоциативный эксперимент с русскими и испанскими студентами, в основе которого также будет лежать сирийский конфликт.

Материалом для исследования послужила испанская пресса:

- национальная ежедневная газета «El Mundo»;
- национальная ежедневная газета «ABC»;
- национальная ежедневная газета «El País»;
- национальная ежедневная газета «La Razón»;
- региональная ежедневная газета «La Vanguardia»;

Всего проанализировано около 100 статей за период 2015–2016 гг.

Методы исследования:

- контекстный анализ;
- дефиниционный анализ;

- этимологический лингвокультурный анализ;
- элементы прагматического анализа;
- элементы экспертной оценки.

В отечественное языкознание термин «прецедентный текст» (прецедентный феномен, прецедентная единица) был введен Юрием Николаевичем Карауловым. В нашей работе мы следуем его понятию, уточняя, что под прецедентным текстом мы понимаем любой прецедентный феномен. Итак, в своей работе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» Ю.Н. Караулов дал прецедентному тексту следующее определение: «прецедентный текст – это текст,

1) фиксированный в сознании носителя языка данной языковой общности;

2) представляющий факт культуры, значимый для языковой личности в познавательном и эмоциональном отношении;

3) неоднократно обновляемый в дискурсе языковой личности;

4) имеющий сверхличностный характер, т. е. хорошо известный широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников» [Караулов, 2009: 216].

Типы прецедентных феноменов (далее ПФ), подвергнутые выборке и анализу: прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация.

Прецедентным именем (далее ПИ) называется «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к прецедентным, или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная...» [Гудков, 2003: 108]. Равным образом ПИ может выступать как имя-символ, которое указывает некую совокупность определенных качеств. ПИ может актуализироваться через прецедентный текст или ситуацию. Данный тип ПФ может давать характеристику какого-либо предмета по его признакам, описывать человека по внешности, одежде или чертам характера.

Прецедентное высказывание (далее ПВ) – «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу...» [Гудков, 2003: 107]. Данные высказывания регулярно воспроизводятся в речи носителей ментально-лингвального комплекса. К ПВ относятся широко известные цитаты, крылатые выражения, пословицы и поговорки. За использованием ПВ всегда стоит ПС или ПТ, которые играют значительную роль в формировании смысла высказывания. Без отсылки к ПТ или ПС смысл высказывания может остаться непонятным или будут не поняты связанные с прецедентным феноменом коннотации и представления.

Прецедентная ситуация (далее ПС) – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, насыщенная определенными коннотациями. Дифференциальные признаки ПС, то есть представление о самом действии или событии, об участниках ситуации, входят в когнитивную базу лингвокультурного сообщества и известны практически всем его членам. Реализация ПС осуществляется при помощи апелляции к другим ПФ, связанным с ней, например, прецедентным именам, текстам или высказываниям. Помимо этого, атрибутом такой ситуации может выступать и описание или обращение к реалиям, то есть любое явление, не относящееся к прецедентности, но фигурирующее в ПС (яблоко, соблазнение, познание, изгнание, познание – атрибуты одной ситуации).

Рассмотрим примеры некоторых ПФ, выявленных при анализе испанского медиадискурса о военном конфликте в Сирии, и прагматические функции, которые они выполняют.

Los atentados de París se ven como una especie de ataques planificados, bien coordinados y mortíferos. Un modo operatorio parecido al de Al-Qaïda en Madrid cuando la ciudad padeció el ataque terrorista más brutal que se recuerda hasta la fecha en Europa: 193 muertos y 1.858 heridos. (Атаки в Париже представляют собой совокупность спланированных, скоординированных и

смертельных атак. Способ операций напоминает **операцию Аль-Каиды в Мадриде**, когда город перенес наудивчайшую террористическую атаку до настоящего момента: 193 умерших и 1858 раненых) («El Mundo», статья «Atentados en París: 129 muertos y 352 heridos» от 15 ноября 2015).

В данном случае адресант использует ПС: *Los atentados del 11 de marzo de 2004 (теракт 11 марта 2004 года в Мадриде)*, в результате которого были взорваны 4 пригородных электропоезда. Данная ПС выполняет персуазивную функцию, так как обладает авторитетом на национальном уровне, с целью дальнейшего воздействия на адресата. Посредством стратегии аппроксимации адресант стремится повлиять на то, как реципиент воспримет информацию, его цель – заставить реципиента сопоставить события 2004 года с атаками в ноябре в Париже и поставить их в один ряд. Интенция адресанта – подвести адресата к мысли о трагичности произошедших событий, об их сходстве и убедить его в общей катастрофичности данных происшествий.

Рассмотрим следующий пример:

Según los activistas y el Observatorio Sirio para los Derechos Humanos (OSDH), una calma precaria reinaba en las provincias centrales de Homs y Hama, en la provincia de Damasco y en la región de Aleppo. No fue señalada ninguna incursión aérea contra las regiones rebeldes. ¿«La guerra ha terminado»? (Согласно активистам и наблюдательному совету по правам человека в Сирии, в центральных провинциях Хомс и Хама, в Дамаске и Алеппо установилось хрупкое перемирие. Ни один самолет не был замечен над территорией мятежников. **«Война закончилась»?**) («El Mundo», статья «Siria: la tregua bien respetada» от 27 февраля 2016).

Адресант употребляет прецедентное высказывание *«Война закончилась»*, которое впервые произнес испанский генерал Франко, когда официально закончилась Гражданская война в Испании. Но на самом деле испанский народ прекрасно понимал, что до конца войны они еще не дошли, и население Испании не верило в окончание войны, которая собственно и

продолжалась после произнесения данного высказывания. Интенция адресанта – повлиять на адресата, заставить его мыслить также как адресант, создать у него недоверие к решению политиков о приостановке боевых действий в Сирии с их стороны. Данная интенция реализуется с помощью коммуникативной стратегии дискредитации. Помимо самого высказывания, которое уже вызывает сомнения в реальности реализации принятого решения, адресант подчеркивает невозможность такого исхода с помощью знака вопроса после ПВ, что не оставляет реципиенту никаких надежд на то, что все-таки это могло бы быть правдой.

Еще один яркий пример ПФ содержится в статье газеты «La Razón»:

*...La propaganda de IS alrededor de este joven recluta funciona así de bien que en Finlandia, una adolescente incluso se declaró fan de Younes Abaaoud como nosotros lo podríamos ser de **Jose Luis Perales**. (...Пропанганда вокруг этого молодого новобранца ИГИЛ (Януса Аббауд) разворачивается настолько, что в Финляндии одна девочка даже назвалась его фанаткой, также как мы (французы) могли бы назваться фанатами **Хосе Луис Пералеса**) («La Razón», статья «Younes Abaaoud, 15 años, de vuelta a Siria» от 15 апреля 2016).*

Адресант использует прецедентное имя *Хосе Луис Пералес*. Хосе Луис Пералес – это реальный человек, знаменитый испанский певец и композитор, известный представителям испанского лингвокультурного сообщества, ставший популярным в 1980-х и знаменитый до сих пор. Посредством использования данного прецедентного имени в своем дискурсе адресант стремится воздействовать на адресата, его интенция – вызвать определенные ассоциации у реципиента с целью сопоставления Януса Аббауда с Хосе Луисом Пералесом. Так как Хосе Луис Пералес был знаменитым испанским композитором и исполнителем, очевидно, что у него было множество приверженцев его творчества, фанатов. И с помощью данного ПФ адресант делает акцент на сопоставлении этих двух людей, выражая тем самым, что Янус Аббауд в настоящее время является настолько популярным, как и Хосе

Луис Пералес для представителей испанского лингвокультурного сообщества. Адресант использует коммуникативную стратегию аппроксимации, приближения Януса Аббауд к Хосе Луис Пералесу путем разъяснения адресату, кем является Янус Аббауд.

Таким образом, было выявлено, что основная прагматическая функция ПФ в испанском медиадискурсе, посвященном военному конфликту в Сирии – воздействующая, остальные функции (персуазивная и аттрактивная) служат для реализации воздействующей функции. Прагматический потенциал прецедентных феноменов в медиадискурсе заключается в их способности воздействовать на адресата с помощью использования определенных коммуникативных стратегий и тактик, заставляя его проводить некие ассоциации для формирования определенного образа, который нужен адресанту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации: учеб. пособие. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность, Изд-е 7. М.: Издательство ЛКИ, 2009. 264 с.
3. Atentados en París: 129 muertos y 352 heridos // El Mundo [Электронный ресурс]. URL: <http://goo.gl/MAQJ2t> (дата обращения: 12.10.2016).
4. Siria: la tregua bien respetada // El Mundo [Электронный ресурс]. URL: <http://goo.gl/MAQJ2t> (дата обращения: 12.10.2016).
5. Younes Abaaoud, 15 años, de vuelta a Siria // La Razón [Электронный ресурс]. URL: <http://goo.gl/hVxjhd> (дата обращения: 12.10.2016).

КОНЦЕПТ «БОГ» В ИСПАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация: В статье анализируется концепт «Бог» в пространстве испанской национальной картины мира. Рассматривается структура концепта, выявляется его национально-культурная специфика и ее манифестация на дискурсном уровне. Затрагивается вопрос карнавализации рассматриваемого концепта в испанской народной культуре и на уровне обиходного дискурса.

Ключевые слова: концепт, национальная картина мира, народная культура, карнавальная культура, дискурс, обиходный дискурс.

Abstract: In the article, the concept «God» is analyzed in the space of the Spanish national picture of the world. The author discusses the structure of the concept, reveals its national cultural specifics and its manifestation on the discourse level. At the same time, the author touches upon the question of carnivalization of this concept in the Spanish folk culture and on the level of everyday discourse.

Keywords: concept, national picture of the world, folk culture, carnival culture, discourse, everyday discourse.

Концепт «Бог» является универсальным концептом в любой национальной, равно как и в общечеловеческой, картине мира, это является аксиомой и не требует доказательств, но все же универсальность данного концепта имеет более глобальный или, вернее сказать, многомерный характер по отношению к другим универсальным концептам. Эту особую глубину и многомерность данного концепта чувствует каждый, кто приступает к его анализу, с каких бы позиций он не осуществлялся. «...Если и существуют какие-то коллективные и социальные чувство и понятие, так это чувство и понятие Бога, хотя впоследствии индивид и индивидуализирует их», – писал Мигель де Унамуно в своем знаменитом трактате «Del sentimiento trágico de la vida en los hombres y en los pueblos» (1913) [Унамуно, 1997: 177].

Концепт «Бог» занимает центральное место в любой картине мира (далее – КМ), образуя в ней, наряду с концептом «человек», центральную концептуальную ось. Национальная, этническая, религиозная или социальная основа КМ не является в этом смысле сколько-нибудь

значимым фактором, ибо главной осью сознания любого человека является вертикаль, связующая его с Высшим началом, независимо от того, как оно называется – «Бог», «Творец», «Всевышний», «Высший разум», «Судьба», «Вселенная» или как-то иначе. Тем не менее, неоспоримым является тот факт, что у каждого народа, каждого этноса в рамках своей уникальной культуры установлены свои интимные отношения с Богом (или богами). Особенности этих отношений определяются дистанцией: каждый народ устанавливает свою дистанцию (или свою степень близости) в этих взаимоотношениях, и здесь не столь важен религиозный фактор, как это может показаться на первый взгляд. Различная «дистантность» (степень близости) может характеризовать взаимоотношения «человек – Бог» и в рамках одной, отдельно взятой, национальной культуры. Именно фактор дистантности – расстояния, которое устанавливается коллективным бессознательным в отношениях «человек – Бог», определяет национально-культурные особенности концепта «Бог».

Являясь первичным универсальным концептом (наряду с концептом «человек»), концепт «Бог» в любом развитом языке является и структурно наиболее сложным и многослойным: его характеризуют полиядерная структура и сложная внутренняя оппозиция. Однако сама структура концепта в разных языках может существенно отличаться, поскольку определяется комплексом религиозных воззрений каждой отдельно взятой культуры. В испанской лингвокультуре структура концепта «Бог» определяется, соответственно, христианско-католическими воззрениями, что, однако, отнюдь не означает полного соответствия лингвокультурного концепта «Бог» ортодоксальному пониманию Бога в рамках религиозной традиции. В противном случае стала бы бессмысленной сама попытка предпринятого нами анализа.

Многослойность рассматриваемого концепта связана с наличием различных моделей интерпретации понятия «Бог», запечатленных в отдельно взятой картине мира. В испанской национальной КМ можно

выделить богословскую, мистическую, философскую и народную (или наивную) модели. Каждая концептуальная модель имеет точкой отсчета богословскую модель, где понятие «Бог» носит характер чистой идеи и принадлежит исключительно сфере Разума. Все остальные модели, отталкиваясь от богословской модели как изначальной, отражают опыт эмоционально-чувственного и ментального освоения этой идеи через переживание и осмысление ее в опыте земной жизни. Напитываясь живым опытом и чувствами конкретных людей и пройдя сквозь горнило философского осмысления, умозрительная идея, заключающаяся в богословской концепции Бога, как бы спускается на Землю, воплощаясь в различных моделях. Все эти модели отражают различный опыт проживания и освоения этой идеи в рамках единой национальной культуры.

Так, если концептуальный смысл понятия «Бог» в испанской богословской модели полностью соответствует западноевропейской католической модели, унаследованной испанцами от римского прошлого, то мистическая модель, рожденная в творчестве великих испанских поэтов-мистиков 16 века – Фрая Луиса де Леона, Св. Хуана де ла Крус и Св. Тересы Авильской, – приобрела иные концептуальные черты, установив новую дистанцию в отношениях между Богом и человеком и внося в них ярко выраженное эмоциональное начало. Страстное стремление соединить «Небо» и «Землю», которыми отмечено все творчество Луиса де Леона (1527–1591), – это уже концептуально новая (по сравнению с богословской) модель взаимодействия человека с Богом. В этой модели Бог как бы спускается на Землю, превращаясь из умозрительной идеи в конкретно осязаемые предметы и чувства; дистанция между Богом и человеком значительно сокращается. Знаменитое стихотворение «Preguntas de Amor» отражает начало пути поиска человеком Бога на Земле.

Si pan es lo que vemos, ¿cómo dura,

sin que comiendo dél se nos acabe?

Si Dios, ¿cómo en el gusto a pan nos sabe?

¿Cómo de sólo pan tiene figura?

Si pan, ¿cómo le adora la criatura?

Si Dios, ¿cómo en tan chico espacio cabe?

Si pan, ¿cómo por ciencia no sabe?

Si Dios, ¿cómo le come su hechura?

Si pan, ¿cómo nos harta siendo poco?

Si Dios, ¿cómo puede ser partido?

Si pan, ¿cómo en el alma hace tanto?

Si Dios, ¿cómo le miro y le toco?

Si pan, ¿cómo del cielo ha descendido?

Si Dios, ¿cómo no muero yo de espanto? [Fray Luis de León. URL: http://www.devocionario.com/textos/p_luis_leon_1.html].

В творчестве Св. Хуана де ла Крус (1542–1591) и Св. Тересы Авильской (1515–1582) это стремление сократить дистанцию в отношениях между собой и Богом, приобретает характер навязчивой идеи, стремления владеть Богом, сделать его своим; сама любовь приобретает все более выраженный, страстный, даже чувственный, характер. По собственному признанию Св. Тересы Авильской, только запрет на самоуправную смерть удерживал ее на Земле, препятствуя полному ее слиянию с Богом [Teresa de Jesús. URL: http://www.mercaba.org/FICHAS/Santos/TdeJesus/libro_de_la_vida.htm]. Для иллюстрации сказанного приведем известные строки из стихотворений, представляющие переключку поэтов, соперничающих в своей любви к Богу. Первое стихотворение принадлежит Св. Хуану да ла Крус, а второе – является ответом на него Св. Тересы Авильской.

Vivo sin vivir en mí,

y de tal manera espero,

que muero, porque no muero.

*En mí yo no vivo ya,
y sin Dios vivir no puedo,
pues sin él, y sin mí quedo,
¿este vivir qué será?
mil muertes se me hará,
pues mi misma vida espero,
muriendo, porque no muero.*

*Esta vida, que yo vivo
es privación de vivir,
y así es continuo morir,
hasta que viva contigo:
oye mi Dios, lo que digo,
que esta vida no la quiero,
que muero, porque no muero.*

*Estando ausente de ti,
¿qué vida puedo tener,
sino muerte padecer,
la mayor que nunca vi?
lástima tengo de mí,
pues de fuerte persevero,*

que muero, porque no muero [Juan de la Cruz. URL: http://www.devocionario.com/textos/p_juan_1.html].

Тереса Авильская реагирует на поэтической признание в любви к Богу Хуана де ла Крус собственным стихотворением, где в качестве ключевых строк использует рефрен из стихов «соперника» «*Vivo sin vivir en mí...*». Эта поэтическая переключка создает впечатление состязания в любви к Богу и даже соперничества на право обладания им, так как

бóльшая любовь дает больше прав. В этом соперничестве любовь к Богу очеловечивается, обретает черты Земной любви.

*Vivo sin vivir en mí,
y tan alta vida espero,
que muero porque no muero.
Vivo ya fuera de mí,
después que muero de amor;
porque vivo en el Señor,
que me quiso para sí:
cuando el corazón le di
puso en él este letrero,
que muero porque no muero.
Esta divina prisión,
del amor en que yo vivo,
ha hecho a Dios mi cautivo,
y libre mi corazón;
y causa en mí tal pasión
ver a Dios mi prisionero,
que muero porque no muero.*

<...>

*Vida, ¿qué puedo yo darle
a mi Dios que vive en mí,
si no es el perderte a ti,
para merecer ganarle?
Quiero muriendo alcanzarle,
pues tanto a mi Amado quiero,
que muero porque no muero* [Teresa de Jesus. URL:

http://www.devocionario.com/textos/p_teresa.html].

Так, в отличие от богословской модели, где Бог предстает как некая абстрактная идея и одновременно непознаваемая Высшая Сила,

наказующая и милующая, руководствуясь собственными, чаще всего непонятными для простого человека законами, на толкование которых исключительное право принадлежит церкви, в мистической модели Бог – это уже не абстрактная идея и не непонятная сила, с которой нужно взаимодействовать исключительно через церковь; в мистической модели Бог – это Высший Учитель и Возлюбленный, бесконечно любящий и дарующий наслаждение этой Любовью; переживание любви к Богу в этой модели ощущается как страстное, всепоглощающее и, при этом, исключительно высокое чувство. Эта модель концепта «Бог» отражает национальный опыт освоения абстрактной богословской идеи «Бог», и уже в силу этого несет в себе национально-культурную специфику.

В философской модели понятие «Бог» включает в себе две идеи – «идею Бога логического, или Высшего Разума, и идею Бога биотического, или сердечного, то есть, Высшей Любви» [Унамуно, 1997: 157]. В отличие от мистической, в философской модели понятие Бога раскрывается не через проживание, не через эмпирический опыт любви и чувствования, а через ментальное освоение и абстрактное осмысление. Бог в философской модели – это абстрактная идея, а не живая и животворящая Сила. При этом признается, что познать Бога чистым разумом нельзя, потому что «к Богу живому, Богу человеческому, ведет не разум, а дорога любви и страдания. Тогда как разум скорее отделяет нас от Него. Невозможно вначале познать Его, а затем полюбить; надо начинать с любви, прежде чем познавать, надо полюбить, пожелать Его, почувствовать голод по Богу. Познание Бога является результатом любви к Богу, и познание это почти ничего общего не имеет с рациональным познанием. Ибо Бог неопределим. Стремление определить Бога означает попытку ограничить Его в нашем уме, а, следовательно, убить Его. Как только мы пытаемся определить Его, в нас возникает ничто» [Унамуно, 1997: 167]. В философской модели «Бог» как понятие имеет, как это ни парадоксально, скорее утилитарный характер: Бог как способ осознания себя, своей идентичности, Бог как способ

выживания, инструмент спасения, соломинка, за которую можно ухватиться в том случае, если человек верит. «Бог» в испанской философской модели – это также сомнения в Боге и поиски Бога, и страстный голод по Богу – голод, потому что нет или не хватает веры. «Бог, по которому мы испытываем голод, это Бог, которому мы молимся, Pater noster воскресной молитвы; это Бог, которого мы просим прежде всего и главным образом, отдаем ли мы в этом отчет или нет, чтобы Он внушил нам веру, веру в него самого, сделал так, чтоб мы уверовали в Него, чтобы Он сотворил себя в нас <...>» [Унамуно, 1997: 177].

Таким образом, в философской модели концепт «Бог» обретает совсем иное звучание, нежели в ранее рассматриваемой мистической. «Страстный голод по Богу» – это, пожалуй, квинтэссенция концепта «Бог» в данной модели: здесь и страсть, и отсутствие веры, и ее желание одновременно, и признание того, что вера в Бога пробуждает в человеке лучшие качества его души, позволяет чувствовать радость жизни. В подтверждение наших слов приведем еще одну цитату: «Верить в Бога – это значит страстно желать, чтобы Он существовал, и, кроме того, вести себя так, если бы Он существовал; верить в Бога – это значит жить этим страстным желанием и превращать его в главную пружину своего поведения. Из этого страстного желания, или голода по божеству, рождается надежда, из нее вера, а из веры и надежды – милосердие; из этого страстного желания вырастают чувства красоты, цели и добра» [Унамуно, 1997: 181].

Переходя к рассмотрению народной модели концепта «Бог», отметим, что сфера манифестации данной модели значительно шире обозначенных выше, поскольку эта сфера есть повседневная жизнь испанского общества, проявляющая себя в быту и в праздниках. Примером манифестации наивной модели концепта «Бог» может служить повсеместно распространенный в Испании культ Девы Марии, но не сам культ как таковой, поскольку почитание Богородицы широко

распространено и в других христианских странах, речь идет об особенностях этого культа как феномена испанской культуры. В Испании мы встречаем не просто повсеместное поклонение Деве Марии, а желание иметь свою собственную Деву Марию исключительно для себя и личной защиты – защиты своего дома, своей мастерской, своего кафе, ресторанчика, магазинчика и т. п. И везде Дева Мария своя – у нее свое имя, свой наряд, своя молитва, свой день почитания, свой праздник. Дева Мария почитается в Испании во множестве лиц, так как каждый город, каждая деревня, каждый район желает иметь исключительно свою собственную, личную покровительницу в ее лице. В этом культе манифестируется главная особенность народной модели взаимоотношений с Богом в испанской КМ, в которой дистанция, установленная человеком в отношениях с Божеством сокращается до минимально возможной, и эти отношения принимают почти семейный, домашний характер.

Очень ярко проявляется народная модель взаимоотношений с Богом в празднично-карнавальной традиции, которая является неотъемлемой и очень важной частью испанской народной культуры, при этом большинство народных празднеств в Испании имеют, как известно, церковно-религиозную основу. В данном контексте особого внимания заслуживает форма этих праздников, а именно, их карнавальный характер. Карнавал как форма взаимодействия с Богом – это еще одна особенность взаимоотношений между человеком и Богом в народной, наивной, модели. Карнавальные празднества, приуроченные к религиозным датам и инсценирующим религиозные сюжеты, часто напоминают пародии на церковные праздники, однако при этом в них присутствуют чистая радость и чистые слезы, которые могут быть порождены только чистой верой. Подготовка к таким праздникам идет иногда целый год и занимает большую часть повседневной жизни вовлеченных лиц, и не важно, что при подготовке в основном обсуждаются костюмы, смета, декорации и т. п. – важно, что все это посвящено Богу. В этом и есть то главное, что

характеризует наивную модель отношений с Богом – это детскость. «Будьте как дети, – сказал Христос, – и войдете в Царство Небесное!» В данной модели в своем отношении к Богу испанцы проявляют себя, как дети, ибо карнавал – это игра, это переодевания и вживание в иные образы, которые так любят дети, это всегда преувеличение, это смех и радость, это вера без умствований и без экстаза, одним словом, – это наивный способ познания Бога. Таким образом, в наивной концептуальной модели испанской картины мира Бог познается через карнавал, то есть, через игру, через вживание в образы (Христа, Богородицы, святых ...), через смех и радость, иногда через боль и слезы. В этом и заключается особенность концепта «Бог» в испанской национальной КМ, его культурная специфика.

Конечно, сфера воплощения наивной модели концепта «Бог» значительно шире и не ограничивается празднично-карнавальная культурой или особенностями культа Девы Марии. Наивная модель широко манифестируется в бытовой культуре, каковая включает в себя также и другие традиции, обычаи, а также суеверия и др. В данной статье мы не будем останавливаться на них, поскольку хотелось бы больше затронуть собственно языковую сторону вопроса.

Для начала отметим, что различные модели рассматриваемого концепта в языке манифестируются в различных видах и жанрах дискурса: богословская модель реализуется в религиозном дискурсе (трактаты, оратории, жизнеописания святых, молитвы, проповеди), мистическая – в поэтическом и философском (поэтические жанры, автобиографическое жизнеописание, исповедь), философская модель – в философском, художественном, публицистическом, поэтическом дискурсах (трактат, роман, повесть, эссе, поэма). Народная модель манифестируется в обиходном дискурсе и фольклоре (коплы, анекдоты, сказки и др.). Каждое из обозначенных дискурсных направлений заслуживает отдельного анализа.

Важным вопросом анализа любого концепта является вопрос его структуры. Нами уже было отмечено, что концепт «Бог» в любом языке является полиядерной разветвленной структурой, которая определяется доминирующей в коллективном сознании религиозной концепцией. Поскольку испанское общество исторически является монотеистическим, структура концепта «Бог» в испанской национальной КМ определяется западно-христианским католическим типом космовидения. Согласно этому типу космовидения, концепт «Бог», помимо собственно понятия «Dios», включает в себя оппозиционное семантическое ядро «Satanás/Diablo», а также примыкающие к основным ядрам семантически периферийные сферы, включающие понятия ангелологии (Ángel, Arcángel, serafín, querubín) и демонологии (demonio), а также их локусы и сферы влияния (Cielo, Paraíso, Infierno, Purgatorio/Limbo, Este Mundo, Otro Mundo). Однако семантически эти две сферы в структуре рассматриваемого концепта не являются равновесными, поскольку к семантической сфере ядра «Бог» принадлежит целый ряд понятий, не имеющих оппозиции в семантическом поле «Diablo». К таковым относятся концепты El Cristo (Jesús, Jesucristo, El Salvador), María Santísima (Madre de Dios, La Virgen María), Santo, которые, соответственно, являются дополнительными семантическими ядрами в структуре концепта «Бог», так как каждый из них обладает собственной разветвленной семантической структурой. В эти структуры входят атрибуты божеств (crúz, iconos), связанные с ними праздники, обряды, ритуалы (páscoa, Bautización, Comunión, Sacramento, Eucaristía, Navidad, ayuno pascual и др.), мотивы и сюжеты (la Huida a Egipto, la Adoración de los pastores, la Anunciación, el Bautismo de Cristo, la Crucifixión de Cristo, la Resurrección de Cristo, la Ascención de Cristo, la Asunción de la Virgen, la Coronación de la Virgen и др.). Очень сложным по структуре является концепт «Santo», так как он включает в себя все многообразие почитаемых и просто известных в Испании святых (Santiago el Mayor, San Jerónimo, San

Sebastián, San Benito, San Antonio, San Andrés, Santos Pedro y Pablo, San Juan Evangelista, San Francisco и др.).

Таким образом, концепт «Бог» является, несомненно, наиболее сложным и разветвленным в испанской КМ. Анализ только двух статей Словаря испанского языка RAE (www.rae.es) – «Dios» и «Cristo» – показывает, что абсолютное большинство устойчивых выражений, включающих в себя в качестве семантического ядра эти лексические единицы, принадлежат разговорному стилю; значительная их часть имеет ярко выраженный карнавальный характер. Приведем несколько примеров: *criso* в значении ‘*lío o alboroto*’, *un criso* – ‘*persona que presenta un estado lastimoso*’ (*Estás hecho un criso. Vino como un criso*); *como a un criso dos pistolas* в значении ‘*muy mal o de manera inadecuada o impropia*’ (*Ese vestido le sienta como a un criso dos pistolas*); *después de Dios, la olla* ‘*para explicar que en lo temporal no hay nada mejor que tener qué comer*’; *la de Dios es Cristo* в значении ‘*gran disputa, riña o pendencia*’ (*Se va a armar la de Dios es Cristo. Y aquí fue la de Dios...*). Карнавальность манифестируется здесь в проявлении смехового начала через «переименование» понятий (*Cristo como una persona que presenta un estado lastimoso, Cristo como un lío o alboroto*), через соединение антагонистичных понятий и приземление образа («*como a un criso dos pistolas*», «*después de Dios, la olla*», «*la de Dios...*» в значении ‘*gran disputa, riña, pendencia*’).

Таким образом, нами вкратце были обозначены модели концепта «Бог» в испанской национальной картине мира, выявлены их основные особенности, была определена структура данного концепта. Безусловно, наш доклад не претендует на исчерпывающий характер. Древние египтяне совсем не случайно называли свою богиню Исиду «тысячеименной» или Исидой «о десяти тысячах имен». Думается, что в этом есть истина, но правда также в том, что на пути ее постижения делается немало открытий, что и подвигло нас на исследование данного вопроса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Diccionario de la lengua española de Real Académiа Española [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rae.es> (дата обращения: 15.07.2016).
2. Fray L. de. Poesías / Fray Luis de León // Devocionario católico. Poesías. [Электронный ресурс]. URL: http://www.devocionario.com/textos/p_luis_leon_1.html (дата обращения: 15.07.2016).
3. Cruz Santo Juan de la. Poesías / Santo Juan de la Cruz // Devocionario católico. Poesías. [Электронный ресурс]. URL: http://www.devocionario.com/textos/p_juan_1.html (дата обращения: 15.07.2016).
4. Jesús Santa Teresa de / Santa Teresa de Jesús. Libro de la vida // Biblioteca católica digital. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mercaba.org/FICHAS//TdeJesus/libro_de_la_vida.htm (дата обращения: 15.07.2016).
5. Jesús Santa Teresa de. Poesías // Devocionario católico. Poesías. [Электронный ресурс]. URL: http://www.devocionario.com/textos/p_teresa.html (дата обращения: 15.07.2016).
6. Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни / Пер. с исп. Е.В. Гараджа. Киев: Символ, 1996. 416 с.

Филаткина Г.С.

ДИЛМА РУССЕФФ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В БРАЗИЛИИ В ОТРАЖЕНИИ БРАЗИЛЬСКОЙ ПРЕССЫ

Аннотация: В статье проводится анализ освещения политического кризиса в Бразилии ведущими бразильскими изданиями – газетами O Globo, Folha de S.Paulo, Estado de S.Paulo и еженедельником Veja. Автор рассматривает взаимосвязь медиа и политики в Бразилии в исторической перспективе, прослеживает причины зарождения и развитие кризиса до временного отстранения президента Дилмы Руссефф от должности, делает выводы об особенностях освещения кризиса четырьмя изданиями. Отдельное внимание уделяется репрезентации образа президента Руссефф в бразильской прессе, а также оценкам, которые дают крупнейшие издания Бразилии событиям политической жизни страны в период коррупционного скандала.

Ключевые слова: политический кризис; импичмент; Бразилия; пресса; коррупция; освещение в СМИ.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the coverage of political crisis in Brazil by the leading Brazilian newspapers *O Globo*, *Folha de S. Paulo*, *Estado de S. Paulo* and weekly journal *Veja*. The author examines the relationship of media and politics in Brazil in a historical perspective, traces the causes of the origin and the development of the crisis to the temporary removal of President Dilma Rousseff from office, makes conclusions about the coverage of the crisis by four periodicals. Special attention is paid to the representation of the image of President Rousseff in the Brazilian press, as well as to the assessments of the political life of the country during the corruption scandal given by the major newspapers of Brazil.

Keywords: political crisis; impeachment; Brazil; press; corruption; media coverage.

Бразилия – самое крупное государство Южной Америки – играет важную политическую и экономическую роль на международной арене. Около десяти лет назад страна переживала бурный расцвет своей экономики. Однако в последние два года Бразилия находится в глубоком политическом и экономическом кризисе, пожалуй, самом остром за последние тридцать лет. По стране проходят миллионные антиправительственные демонстрации, требующие отставки президента. Большую роль в раздувании кризиса и поляризации общественного мнения сыграли крупнейшие печатные издания Бразилии.

Из предыстории кризиса

Начало кризису было положено 17 марта 2014 г., когда на первом этапе операции «Автомойка» (*Lava Jato*) по обвинению в отмывании денег, уклонении от уплаты налогов и других преступлениях были арестованы 24 человека (*Новые Известия*. 22.03.2016). Спустя три дня правоохранные органы взяли под стражу нескольких высокопоставленных сотрудников крупнейшей в Бразилии нефтяной компании *Petrobras*. Это случилось за несколько месяцев до президентских выборов, на которых с небольшим перевесом победу одержала Дилма Руссефф. Противники президента считают, что она была в курсе того, что происходило в компании, поскольку в 2003–2010 гг. Руссефф занимала пост председателя совета директоров *Petrobras*, и, следовательно, должна нести ответственность за происходящее.

Второй важной составляющей назревшего кризиса стало обвинение президента в нарушении налогового законодательства и финансовых махинациях с госсредствами в ходе её избирательной кампании в 2014 г.

Ситуацию усугубил и сильнейший экономический кризис. Уровень жизни в стране и главные экономические показатели в начале второго срока правления Руссефф резко снизились. Так, например, ВВП Бразилии в 2015 г., даже по официальным данным, снизился на 3,8 %. В 2016 г. ожидается падение на 3,5 %. Курс бразильского реала по отношению к доллару США в 2015 г. снизился почти на 50 % (Ведомости. 03.03.2016).

Все это привело к тому, что в декабре 2015 г. по требованию оппозиционных партий парламент запустил процедуру импичмента против первой в истории Бразилии женщины-президента. Спустя пять месяцев, 12 мая 2016 г., Сенат Бразилии большинством голосов принял решение о продолжении процедуры импичмента президента, временно отстранив ее от исполнения обязанностей на 180 дней до принятия окончательного решения (Российская газета. 12.05.2016). До этого срока обязанности главы государства должен исполнять вице-президент Бразилии, главный политический противник Руссефф Мишел Темер, который, однако, также обвиняется в коррупционных махинациях и не обладает большой популярностью среди населения.

Стоит отметить, что уже после запуска процедуры импичмента в коррупционных махинациях был обвинен и экс-президент Бразилии, политический наставник Дилмы и ее соратник по «Партии трудящихся» Луис Инасиу Лула да Силва. Чтобы защитить его от уголовного преследования, 16 марта 2016 г. Руссефф решила назначить его главой своей администрации. Однако это решение заблокировали судьи Верховного суда Бразилии, а Руссефф подверглась еще большим нападкам со стороны оппозиции и потеряла часть поддерживавшего ее ранее электората. Ее рейтинг среди бразильских граждан снизился до критических 10% (Коммерсантъ. 18.04.2016).

Медиа и политика в Бразилии

Роль крупных медиакомпаний всегда была чрезвычайно велика в латиноамериканском обществе, а владельцы этих компаний играли важную роль в политической жизни своих стран. В Бразилии в период военных диктатур (1964–1985 гг.) крупнейшие СМИ страны поддерживали действующий режим, передавая политикам радиовещательные станции в качестве платы за «правильное» голосование [Voas et al, 2011]. До сих пор в советы директоров многих радиостанций медийных сообществ входят местные политики, или члены их семей, или люди, оказывающие политикам финансовую поддержку [Moreira, 2016: 612].

В истории Бразилии до правления Дилмы Руссефф уже были случаи отставок президентов, большую роль в которых играли национальные СМИ. Так, например, в 1992 г. импичментом закончилось правление Фернанду Колора ди Мелу, оказавшегося замешанным в коррупции, факты которой расследовал крупнейший бразильский политический еженедельник *Veja* («Вейжа» – «Смотри»). Впоследствии эта история получила название «бразильский уотергейт» [Maskau, 1998: 63].

Однако в последние два десятилетия, когда у власти в большинстве стран латиноамериканского региона находились левоориентированные правительства, ситуация, при которой влиятельные СМИ страны находятся в оппозиции правительству, стала довольно типичной для Латинской Америки в целом и для Бразилии в частности. Большинство ведущих СМИ Бразилии, принадлежащих влиятельным в стране семьям, уверенно встали на сторону оппозиции по отношению к действующему президенту, поддерживая лозунги оппонентов Руссефф о ее причастности к коррупционным махинациям. Единым фронтом против президента Бразилии встали СМИ четырех крупнейших медиакорпораций и холдингов страны – *Grupo Globo*, *Grupo Abril*, *Grupo Folha*, *Grupo Estado*.

Политический кризис в Бразилии в национальной прессе

Для того чтобы проанализировать развитие политического кризиса и образ Дилмы Руссефф в бразильской печати, мы рассмотрели 300 публикаций, вышедших в период с марта 2014 по май 2016 гг. в онлайн-версиях четырех ведущих бразильских изданий (по 75 публикаций в каждом). В качестве эмпирической базы были выбраны материалы бразильских газет *O Globo* («Глобу» – «Земной шар»), *Folha de São Paulo* («Фолья ди Сан-Паулу» – «Страница Сан-Паулу»), *Estado de São Paulo* («Эштаду ди Сан-Паулу» – «Штат Сан-Паулу») и политического еженедельника *Veja*. Выбор эмпирической базы обусловлен тем, что данные издания являются одними из старейших в Бразилии и востребованных среди читателей, аудитория каждого из них превышает 1 млн. человек [Moreira, 2016: 610]. Эти издания принадлежат крупнейшим в Бразилии одноименным медиахолдингам и корпорациям (*Grupo Globo*, *Grupo Folha*, *Grupo Estado* соответственно) за исключением еженедельника *Veja*, который выпускается издательским холдингом *Abril*. Стоит отметить, что перечисленные медиагруппы контролируются влиятельными в Бразилии семьями (Маринью, Фриас, Мескита, Чивита соответственно), которые, как и большинство крупных бизнесменов в стране, находятся в оппозиции Дилме Руссефф. В основу анализа был положен метод контент-анализа, в рамках которого мы рассматривали публикации изданий по следующим критериям: визуальное сопровождение (фото, видео, карикатуры, графики, инфографика), жанровые особенности материалов, тематический аспект (политика, экономика, судебные разбирательства и др.), оценка освещения деятельности президента (позитивная, нейтральная, негативная).

Анализ фактической составляющей публикаций. Практически во всех проанализированных нами материалах присутствует один и тот же нарратив – «крестовый поход» против коррупции. С юридической точки зрения, правительство Руссефф обвиняется в совершении налогового преступления, а не коррупционного – в использовании средств частных банков для покрытия дефицита государственного бюджета. Данная мера является прерогативой

парламента, применение ее правительством нарушает закон о федеральном бюджете. Однако правительство Дилмы Руссефф было не первым и не единственным, которое действовало подобным образом, – все предшествовавшие правительства Бразилии поступали так же. Поэтому предъявлять обвинения только ей не совсем корректно.

Однако бразильские издания не проясняют для своих читателей данные юридические тонкости. Они стараются найти реальные доказательства коррупции со стороны президента, но публикуют лишь то, что сообщили им прокуроры и федеральная полиция. Стоит отметить, что за весь период исследования в анализируемых изданиях нам не встретилось ни одного настоящего расследовательского материала. В защиту бразильской прессы можно сказать, пожалуй, только то, что самый крупный за последние годы бразильский политический кризис пресса встретила ослабленной экономическим кризисом. Последние четыре года бразильские СМИ переживают большие финансовые трудности, выраженные в резком падении тиражей, сокращении штата сотрудников, что зачастую приводит к снижению качества публикуемого материала [Circulação de jornais e revistas impressos diminuiu em 2015. URL: <http://celuloseonline.com.br/circulacao-de-jornais-e-revistas-impressos-diminuiu-em-2015/>].

Требование импичмента. Слово «импичмент» появляется в анализируемых изданиях не в 2014 г., с началом развития политического кризиса, а в первые месяцы 2015 г. Во многом это связано с тем, что в 2014 г. проходили президентские выборы и внимание прессы было отвлечено на это событие. И хотя за несколько дней до второго тура выборов еженедельник *Veja* опубликовал статью о коррупционном скандале под заголовком «Они знали всё» (*Veja*. № 2397. 2014), намекающий на осведомленность Дилмы Руссефф и Лулы да Силвы о коррупции в компании *Petrobras*, тем не менее, бразильский электорат переизбрал Руссефф на второй срок.

В начале 2015 г. газеты еще старались находить сбалансированный подход в освещении политического кризиса. Осуждая деятельность

президента, газеты *Folha de S.Paulo* и *O Globo* одновременно подвергали жесткой критике и спикера нижней палаты парламента Эдуарду Кунью, который, обвиняя президента в коррупционных преступлениях, сам оказался замешанным в коррупции, более того, его имя фигурировало в «Панамских бумагах», в отличие от Руссефф. *Folha de S.Paulo* опубликовала редакционную статью, в которой обрушилась с критикой действий федерального судьи Серхио Моро, который начал расследование против бывшего президента Бразилии Лулы да Силва, обвиняя его в коррупции и чуть ли не называя «крестным отцом мафии» (Folha de São Paulo. 29.04.2015).

К концу 2015 г. риторика газет изменилась. Речь шла именно о неминуемом импичменте, СМИ не оставляли Руссефф шансов остаться на высшем государственном посту. В 2015 г. в анализируемых изданиях даже прошла серия публикаций, в которых говорилось том, что Дилма стоит на грани самоубийства (*O Globo*. 07.07.2015). Однако президент вскоре опровергла эти слухи. Таким образом, бразильская пресса сыграла большую роль в стимулировании ненависти по отношению к исполнительной власти и поляризации общества.

Образ Дилмы Руссефф. За анализируемый период в газетах практически не встречается публикаций, в которых деятельность Руссефф как президента оценивалась бы положительно. Журналисты называли ее «железная леди Лулы» (Estado de São Paulo. 15.11.2014), «коррупционером» (*O Globo*. 04.12.2015), «мошенницей» (Veja. 30.10.2014), обращались к ней «чао, дорогая» (пошло от обращения Лулы да Силвы к Дилме Руссефф во время их телефонного разговора, впоследствии обнародованном, в котором Дилма предлагала Луле стать главой ее администрации) (*O Globo*. 16.03.2016). Термин «петистка» (от аббревиатуры PT – Partido dos Trabalhadores – Партия трудящихся, членами которой являются оба политика) – превратился в уничижительный, буквально означающий коррупционера или политика, использующего коррупционные схемы (Folha de São Paulo. 12.05.2016). Заголовки *O Globo* гласили: «Петисты наворовали слишком. Их

время истекло» (O Globo. 24.08.2015). Членов «Партии трудящихся» их оппоненты называли «путчистами» (O Globo. 19.01.2016), «сыновьями диктатуры» (O Globo. 16.04.2016).

Если издания и публиковали высказывания президента, то в них она представлялась прежде всего как жертва обстоятельств. Неоднократно она заявляла, что ее «судит не суд, а банда воров», и все обвинения в свой адрес отвергала (O Globo. 11.04.2016).

Жанры публикаций. Стоит отметить большое разнообразие жанров и форм подачи материалов, освещающих коррупционный скандал в Бразилии. Среди основных жанров можно выделить статью (102 публикации), новостную заметку (93), аналитический комментарий (31), интервью (28), лонгрид (23), инфографику (15), фоторепортаж (6) и шарж (2).

Визуальное сопровождение. Почти все проанализированные материалы сопровождаются фотографиями, на которых изображены президент Дилма Руссефф и ее соратники (30%), экс-президент Лула да Силва (5%), вице-президент Мишел Темер (35%), парламент и голосование по импичменту (15%), а также митинги сторонников и противников президента (15%). Исключение составили публикации, написанные в жанре аналитического комментария, которые не сопровождались иллюстративным материалом.

Проанализировав специфику фотографий, мы выделили несколько важных особенностей. Во-первых, Дилма Руссефф и Лула да Силва представляются в бразильских изданиях в исключительно негативном свете (с гримасами, в неловких положениях), фоторепортажи с митингов сторонников импичмента президента демонстрируют плакаты, на которых изображены карикатуры на Дилму и Лулу, подчеркивающие в том числе их физические недостатки. Во-вторых, после временного отстранения Руссефф от власти издания размещали преимущественно фотографии и.о. президента Мишела Темера и его сторонников, представляя их как единственную политическую силу, способную покончить с коррупцией в Бразилии. В-третьих, газеты *O Globo*, *Folha de S.Paulo* и *Estado de S.Paulo* размещали в

основном фотографии с митингов оппозиции и противников Дилмы Руссефф. Редкие кадры с шествий сторонников президента публиковались рядом с изображениями демонстраций противников действующей власти на контрасте: таким образом, пресса намеревалась показать, что электорат Руссефф подавлен, предчувствуя, чем завершится голосование парламента по вопросу импичмента, и что сторонников преемницы Лулы да Силвы значительно меньше, чем оппозиции.

Особенности освещения кризиса бразильскими изданиями. Представим наиболее характерные для каждого из анализируемых изданий подходы к освещению политического кризиса в Бразилии.

Политический еженедельник *Veja* (основан в 1968 г., тираж (2015 г.) – 1,1 млн экз. [*«Veja» comemora vendas, mas tiragem deixa a marca de 1 milhão de exemplares.* URL: <http://goo.gl/x5lbCQ>] за весь период исследования (март 2014 – май 2016 гг.) публиковал исключительно негативную информацию о Дилме Руссефф и ее политическом наставнике Луле да Силве, не представляя альтернативной точки зрения. Это достигалось за счет иллюстративного материала, выставившего политиков в негативном свете, слов и выражений с негативной коннотацией, характеризующих деятельность президента, заголовков, призывающих к отстранению Руссефф от власти. Стоит отметить, что Мишела Темера издание позиционировало как нового (будто бы уже избранного) президента страны. Так, например, среди своих читателей журнал проводил опросы, пытаясь выяснить, какие первые политические шаги Темера они поддержат в случае его избрания президентом страны (*Veja*. 17.04.2016).

В отличие от *Veja*, ежедневная газета *O Globo* (основана в 1925 г., тираж (2015 г.) – 320 тыс. экз. [*Circulação dos cinco grandes jornais cresce.* URL: <http://goo.gl/x5lbCQ>] представляла Дилму Руссефф как одинокого, лишённого поддержки однопартийцев и соратников политика, которому вряд ли удастся избежать процедуру импичмента. Большинство публикаций газеты отражали позицию и тех, кто выступал за импичмент, и тех, кто

против, однако, не в пользу последних. Сравнение позиций подавалось друг напротив друга, чтобы на таком сопоставлении убедить читателей в том, что сторонники Дилмы находятся в явном меньшинстве, и исход политической борьбы очевиден (O Globo. 18.04.2016).

Тактикой ежедневной газеты *Estado de S.Paulo* (основана в 1875 г., тираж (2015 г.) – 250 тыс. экз. [Circulação dos cinco grandes jornais cresce. URL: <http://goo.gl/x5lbCQJ>]) можно назвать «забегание вперед». Это своего рода психологическая уловка, которая позволяет настроить читателей на определенный результат какого-либо события. Еще до процедуры голосования по импичменту издание опубликовало информацию о том, сколько голосов в сенате должно быть отдано «за» и «против», чтобы успешно провести процедуру импичмента (Estado de São Paulo. 18.04.2016). График, размещенный рядом с этой публикацией, визуально убеждал читателя в том, что представители Сената уже проголосовали за импичмент.

Estado de S.Paulo – единственное из четырех изданий, назвавшее текущий политический кризис самым серьезным и глубоким кризисом «Партии трудящихся» с 2003 г. При этом газета называет кризис именно партийным («partido»), т.е. свойственным партии ПТ, а не общегосударственным (Estado de São Paulo. 04.04.2016). Отличительная особенность освещения кризиса данной газетой – ежедневная публикация заявлений федеральных политиков по импичменту Дилмы, а также большое количество инфографики и схем, которые были востребованы читателями, оставлявшими до нескольких десятков тысяч комментариев под ними.

Ежедневная газета *Folha de S.Paulo* (основана в 1921 г., тираж (2015 г.) 361 тыс. экз. (Circulação dos cinco grandes jornais cresce. URL: <http://goo.gl/9fv6Xh>]) использовала похожую стратегию освещения политического кризиса, что и *O Globo*: проводила параллельные сравнения митингов сторонников и противников Руссефф, публиковала мнения представителей «Партии трудящихся» и оппозиционных партий или коалиций, вышедших из ПТ, безусловно, не в пользу первых.

Довольно примечательно *Folha de S.Paulo* освещала голосование Верхней палаты парламента за начало процедуры импичмента: сенаторов, не определившихся с голосом «за» или «против» Руссефф, газета, тем не менее, причисляла к оппозиционному лагерю. Обосновывая свой голос в пользу импичмента, подавляющее большинство парламентариев оставляло в стороне юридические аргументы, представленные в заявке, которую составили юристы. В выступлениях они ссылались на членов своих семей и зывали к Богу, однако издание представляло их как триумфаторов, способных изменить историю Бразилии и очистить страну от коррупции (Folha de São Paulo. 12.05.2016).

Оценка освещения политического кризиса. Проведенный анализ публикаций показал, что в начальный период кризиса (март–ноябрь 2014 г.) в освещении деятельности Дилмы Руссефф и начавшегося вокруг нее антикоррупционного расследования преобладала нейтральная оценка (35%): журналисты находились в ожидании появления разоблачающих фактов, поэтому старались соблюдать осторожность в оценках, приводили мнения политологов, которые не предсказывали однозначных вариантов развития событий. Кроме того, внимание СМИ было отвлечено на президентскую кампанию и выборы, состоявшие в октябре 2014 г. В период с декабря 2014 г. по май 2015 г. начинает преобладать негативная оценка в освещении усугубляющегося кризиса (50%): практически половина публикаций, рассмотренных за этот период, содержит определенно негативные характеристики президента, описывает процессы размежевания политических сил Бразилии, формирование антипрезидентской коалиции. Период с июня 2015 г. по май 2016 г. количество материалов с негативной оценкой стремительно возросло (почти 80%). Это было связано с началом расследования, запущенного в отношении Дилмы Руссефф, с попыткой президента оказать помощь своему политическому наставнику Луле да Силве и, конечно, с голосованием в бразильском Сенате, который большинством голосов высказался за начало процедуры импичмента.

Таким образом, проведенный анализ публикаций ведущих бразильских изданий за 2014–2016 гг. позволил продемонстрировать, какую роль сыграли печатные СМИ в развитии политического кризиса в Бразилии и как они поспособствовали смене политических элит в своей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Boas T.C., Hidalgo F.D. Controlling the airwaves: Incumbency advantage and community radio in Brazil // *American Journal of Political Science*. 2011. 55 (4). P.868–884.
2. Circulação de jornais e revistas impressos diminuiu em 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://goo.gl/x5lbCQ> (дата обращения: 27.05.2016).
3. Circulação dos cinco grandes jornais cresce. [Электронный ресурс]. URL: <http://goo.gl/x5lbCQ> (дата обращения: 15.05.2016).
4. MacKay M. L. Magic realism in Latin America // *Media and democracy* / by E.E. Dennis, R.W. Snyder. New Brunswick, 1998. P. 59–67.
5. Moreira S. V. Media Ownership and Concentration in Brazil // *Who owns the world's media? Media concentration and ownership around the world* / by Eli M. Noam and contributing authors. New York, 2016. P. 606–640.
6. Veja comemora vendas, mas tiragem deixa a marca de 1 milhão de exemplares. [Электронный ресурс]. URL: <http://goo.gl/2LgT5Y> (дата обращения: 15.05.2016).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абкадырова Ирина Рустэмовна, преподаватель кафедры иберо-американской филологии и коммуникативистики, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, irina.abkadirova@gmail.com

Арпентьева Мариям Равильевна, доктор психологических наук, старший научный сотрудник, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, mariam_rav@mail.ru

Бурмакина Наталья Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ИФиЯК СФУ, г. Красноярск, nburmakina@mail.ru

Ивкина Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Евразийский лингвистический институт – филиал Московского государственного лингвистического университета, г. Иркутск, lourenso@mail.ru

Никифорова Светлана Александровна, соискатель степени кандидата филологических наук, Российский университет дружбы народов, г. Москва, sviet@rambler.ru

Паниотова Таусия Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры исторической культурологии, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, panitva@yandex.ru

Позднякова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры и коммуникативных технологий, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, helena_poz@mail.ru

Привалихина Екатерина Сергеевна, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, г. Красноярск, priv-aytak@mail.ru

Сковпень Людмила Юрьевна, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, г. Красноярск, skovpenly@mail.ru

Федосова Оксана Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, fedossova@yandex.ru

Филаткина Гелия Сергеевна, кандидат филологических наук, методист, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ojos-oscuros@yandex.ru